

Основная часть

- Введение
- I
- II
- III
- IV
- V
- VI
- VII
- VIII
- IX
- X
- XI
- XII
- XIII
- XIV
- XV
- Послесловие

Введение

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб (Мф. V, 38, и Исх. XXI, 24).

А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую (39).

И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду (40).

И кто принудит тебя итти с ним одно поприще, иди с ним два (41).

Всякому просящему у тебя давай, и от взявшего твое не требуй назад (Лк. VI, 30).

И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними (31).

Все же верующие были вместе и имели всё общее (Деян. апост. II, 44).

И сказал Иисус: вечером вы говорите: будет вёдро, потому что небо красно (Мф. XVI, 2); и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лицо неба вы умеете, а знамений времен не можете (3).

Взявший меч от меча погибнет (Мф. XXVI, 52).

Система, по которой действуют все народы мира, основана на самом грубом обмане, на самом глубоком невежестве или на соединении обоих: так что ни при каких видоизменениях тех принципов, на которых держится эта система, она не может произвести добро для людей; напротив, — практические последствия ее должны быть и постоянно производить зло.

Роберт Овен.

Мы очень много изучили и усовершенствовали в последнее время великое изобретение цивилизации — разделение труда; только мы даем ему ложное название. Правильно выражаясь, надо сказать: не работа разделена, но люди разделены на частицы людей, разломлены на маленькие кусочки, на крошки; так что та малая часть рассудка, которая оставлена в человеке, недостаточна, чтобы сделать целую булавку или целый гвоздь, и истощается на то, чтобы сделать кончик булавки или шляпку гвоздя. Правда, что хорошо и желательно делать много булавок в день; но если бы только мы могли видеть, каким песком мы полируем их — песком человеческой души, то мы бы подумали о том, что это тоже и невыгодно.

Можно заковывать, мучить людей, запрягать их, как скот, убивать, как летних мух, и все-таки такие люди в известном смысле, в самом лучшем смысле, могут оставаться

свободными. Но давить в них бессмертные души, душить их и превращать в гниющие обрубки младенческие ростки их человеческого разума, употреблять их мясо и кожу на ремни для того, чтобы двигать машинами, — вот в чем истинное рабство. Только это унижение и превращение человека в машину заставляет рабочих безумно, разрушительно и тщетно бороться за свободу, сущности которой они сами не понимают. Озлобление их против богатства и против господ вызвано не давлением голода, не уколами оскорбленной гордости (эти две причины производили свое действие всегда; но основы общества не были никогда так расшатаны, как теперь). Дело не в том, что люди дурно питаются, но в том, что они не испытывают удовольствия от той работы, посредством которой они добывают хлеб, и потому они смотрят на богатство, как на единственное средство удовольствия.

Не в том дело, что люди страдают от презрения к ним высших классов, но в том, что они не могут переносить свое собственное к себе презрение за то, что чувствуют, что труд, к которому они приговорены, унижителен, развращает их, делает их чем-то меньше людей. Никогда высшие классы не проявляли столько любви и симпатии к низшим, как теперь, а между тем никогда они не были так ненавидимы ими.

Рёскин.

ВВЕДЕНИЕ

Почти пятнадцать лет тому назад перепись населения в Москве вызвала во мне ряд мыслей и чувств, которые я, как умел, выразил в книге, озаглавленной: «Что же нам делать?». В конце прошлого 1899 года мне пришлось вновь передумать те же вопросы, и ответы, к которым я пришел, остались те же, как и в книге: «Что же нам делать?»; но так как мне кажется, что за эти 15-ть лет мне удалось более спокойно и подробно, в связи с существующими теперь распространенными учениями, обдумать предмет, который разбирался в книге: «Что же нам делать?», — то я предлагаю читателям те новые доводы, приводящие к тем же прежним ответам. Думаю, что доводы эти могут быть полезны людям, искренно стремящимся к уяснению своего положения в обществе и к ясному определению вытекающих из этого положения нравственных обязанностей, и потому печатаю их.

Основная мысль, как той книги, так и этой статьи, — отрицание насилия. Это отрицание я понял и узнал из евангелия, где оно яснее всего выражено в словах: «Вам сказано: око за око... то есть вас учили употреблять насилие против насилия, а я учу вас: подставьте другую щеку, когда бьют вас, то есть терпите насилие, но не делайте его». Знаю я, что эти великие слова, благодаря легкомысленно превратным и согласным между собой толкованиям либералов и церкви, будут для большинства так называемых образованных людей поводом к тому, чтобы не читать статьи или предубежденно отнестись к ней, но я все-таки помещаю эти слова в эпиграф настоящей статьи.

Я не могу помешать людям, называющим себя просвещенными, считать евангельское учение отсталым, давно пережитым человечеством руководством жизни. Мое же дело в том, чтобы указывать на тот источник, из которого я почерпнул познание еще далеко не сознанной людьми истины, которая одна может избавить людей от их бедствий. Это я и делаю.

Июня 28-го 1900 г.

Знакомый мне служащий на Московско-Казанской железной дороге весовщик, между разговором, рассказал мне, что крестьяне, грузящие на его весах товары, работают 36 часов сряду.

Несмотря на полное доверие мое к правдивости рассказывавшего, я не мог поверить ему. Я думал, что он или ошибается, или преувеличивает, или я чего-нибудь не понимаю.

Но весовщик так подробно рассказал мне условия, при которых происходит эта работа, что нельзя было сомневаться. По рассказу его таких грузовщиков на Московско-Казанской железной дороге — 250 человек. Все они разделены на партии по 5 человек и работают сдельно, получая по 1 рублю и по 1 рублю 15 копеек за 1000 пудов нагруженного или выгруженного товара. Приходят они поутру, работают день и ночь на выгрузке и тотчас же по окончании ночи, утром, поступают на нагрузку и работают еще день, так что в двое суток они спят одну ночь. Работа их состоит в том, чтобы сваливать и перетаскивать тюки по 7, 8 и до 10 пудов. Двое наваливают на спины остальных троих, и те носят. Зарабатывают они такой работой на своих харчах менее рубля в сутки. Работают постоянно, без праздников.

Рассказ весовщика был так обстоятелен, что нельзя было сомневаться, но я все-таки решил своими глазами проверить его и поехал на товарную станцию.

Найдя на товарной станции своего знакомого, я сказал ему, что приехал посмотреть на то, что он мне рассказывал.

— Кому ни говорил — никто не верит, — сказал я.

— Никита, — не отвечая мне, обратился весовщик к кому-то в будке: — поди-ка сюда!

Из двери вышел высокий, худой рабочий в оборванной поддевке.

— Когда вы поступили на работу?

— Когда? вчерась утром.

— А ночь где были?

— Известно, на выгрузке.

— Ночью работали? — спросил уже я.

— Известно, работали.

— А нынче когда сюда поступили?

— Поутру поступили, когда же еще?

— А когда кончите работать?

— Когда отпустят, тогда и кончим.

Подошло еще четыре рабочих, составляющих партию из пяти человек. Все были без шуб, в рваных поддевах, несмотря на то, что было около 20 градусов мороза. Я стал расспрашивать их о подробностях их работы, очевидно, удивляя их интересом, который я выказывал к такой простой и естественной, как им казалось, вещи, как их 36-часовая работа.

Все они были люди деревенские, большей частью мои земляки — тульские; есть орловские, есть и воронежские. Живут они в Москве по квартирам, некоторые с семьями, большею же частью одни. Те, которые живут без семей, посылают заработанное домой. Харчатся все порознь у хозяев. Харчи обходятся по 10 рублей в месяц. Едят мясо всегда, не соблюдая постов. Находятся в работе не 36 часов подряд, а всегда больше, потому что на проход с квартиры и обратно уходит более получаса и, кроме того, часто их задерживают на работе дольше положенного времени. Вырабатывают на такой 37-часовой подряд работе, без вычета харчей, рублей 25 в месяц.

На вопрос мой: зачем они работают такую каторжную работу, мне отвечали:

— А куда же денешься?

— Да зачем же работать 36 часов подряд? Разве нельзя так устроить, чтобы работать посменно?

— Так велят.

— Да вы-то зачем же соглашаетесь?

— Затем и соглашаешься, что кормиться надо. Не хочешь — ступай. На час опоздаешь, и то сейчас ярлык в зубы и марш, а на твое место 10 человек готовы.

Рабочие были все молодые люди, один только был постарше, вероятно лет за 40. У всех лица были худые, истомленные, и усталые глаза, точно они выпили. Тот худой рабочий, с которым я с первым заговорил, особенно поразил меня этой странной усталостью взгляда. Я спросил его, не выпил ли он нынче?

— Не пью, — отвечал он, как всегда, не задумываясь, отвечают на этот вопрос люди, действительно не пьющие.

— И табаку не курю, — прибавил он.

— А другие пьют? — спросил я.

— Пьют. Сюда приносят.

— Работа не легкая. Всё крепости прибавит, — сказал пожилой рабочий. Рабочий этот и нынче выпил, но это было совершенно незаметно.

Поговорив еще с рабочими, я пошел посмотреть на выгрузку.

Пройдя мимо длинных рядов всяких товаров, я подошел к рабочим, медленно катившим нагруженный вагон. Передвижение на себе вагонов и очистку платформ от снега, как я узнал потом, рабочие обязаны делать бесплатно. Это стоит и в печатном условии. Рабочие были такие же оборванные и исхудалые, как и те, с которыми я говорил. Когда они докатили вагон до места и остановились, я подошел к ним и спросил, когда они стали на работу и когда обедали. Мне ответили, что стали на работу в 7 часов, а обедали только сейчас. Так по работе надо было, не отпускали.

— А когда отпустят?

— А как придется, другой раз и до 10 часов, — как будто хвастаясь своей выдержкой в работе, отвечали рабочие.

Видя мой интерес к их положению, рабочие окружили меня и в несколько голосов, вероятно, принимая меня за начальника, сообщали мне то, что, очевидно, составляло их главный предмет недовольствия, а именно то, что помещение, в котором им иногда между дневной работой и началом ночной можно было бы отогреться и иногда соснуть в продолжение часа, было тесно. Все выражали большое недовольствие на эту тесноту.

— Собирается 100 человек, а лечь негде, под нарами и то тесно, — говорили недовольные голоса. — Сами взгляните — недалеко.

Помещение, действительно, было тесно. В 10-аршинной горнице могли поместиться на нарах человек 40. Несколько рабочих вошли за мной в горницу и все наперерыв с раздражением жаловались на тесноту помещения. «Под нарами и то лечь негде», говорили они.

Сначала мне показалось странно то, что эти люди, на 20-градусном морозе без шуб, в продолжение 37 часов таскающие на спинах 10-пудовые тяжести, отпускаемые на обед и ужин не в то время, когда им нужно, а когда вздумается их начальству, вообще находящиеся в гораздо худшем, чем ломовые лошади, положении, — что эти люди жалуются только на тесноту помещения в их теплушке. Сначала это мне показалось странно, но, вдумавшись в их положение, я понял, какое мучительное чувство должны испытывать эти никогда не высыпающиеся, иззябшие люди, когда они, вместо того, чтобы отдохнуть и обогреться, лезут по грязному полу под нары и там только еще больше разламываются и расслабевают в душном, зараженном воздухе.

Только в этот мучительный час тщетной попытки сна и отдыха они, вероятно, болезненно чувствуют весь ужас своего губящего жизнь 37-часового труда и поэтому-то особенно возмущены таким кажущимся незначительным обстоятельством, как теснота помещения.

Посмотрев несколько партий на их работах и поговорив еще с некоторыми из рабочих и от всех услышав одно и то же, я поехал домой, уверившись в том, что то, что рассказывал мне мой знакомый, была правда.

Было правда то, что за деньги, дающие только пропитание, люди, считающиеся свободными, находят нужным отдаваться в такую работу, в которую во времена крепостного права ни один самый жестокий рабовладелец не послал бы своих рабов. Да что рабовладелец, ни один хозяин-извозчик не отдал бы своей лошади, потому что лошадь стоит денег и нерасчетливо непосильной 37-часовой работой коротать жизнь ценного животного.

Заставлять людей работать в продолжение 37 часов сряду без сна, — это, кроме того, что жестоко, еще и нерасчетливо. А между тем, такое нерасчетливое употребление человеческих жизней не переставая происходит вокруг нас.

Против дома, в котором я живу, — фабрика шелковых изделий, устроенная по последним усовершенствованным приемам техники. В ней работают и живут около 3000 женщин и 700 мужчин. Я сейчас, сидя у себя, слышу непрерывающийся грохот машин и знаю, потому что был там, что значит этот грохот. 3000 женщин стоят в продолжение 12-ти часов над станками среди оглушающего шума, мотая, разматывая, пропуская шелковые нити для производства шелковых материй. Все женщины, за исключением тех, которые только что пришли из деревень, имеют нездоровый вид. Большинство их ведет очень невоздержанную и безнравственную жизнь, почти все замужние и незамужние тотчас после родов отсылают своих детей или в деревню, или в воспитательный дом, где 80% этих детей погибают, сами же родильницы, чтобы не быть замененными, становятся на работу на другой, на третий день после родов.

Так что в продолжение 20-ти лет, как я это знаю, десятки тысяч молодых, здоровых женщин-матерей губили и теперь продолжают губить свои жизни и жизни своих детей для того, чтобы изготавливать бархатные и шелковые материи.

Вчера мне встретился нищий молодой, на костылях, с могучим сложением и искривленным станом. Он работал тачками, сорвался и повредил себе внутренности. Он пролечил то, что у него было, у бабок и докторов и теперь 8 лет без приюта, просит милостыню и жалуется на бога, что он не посылает ему смерти.

Сколько таких же трат жизней, о которых мы или не знаем, или о которых знаем, но которых не замечаем, считая, что это так и должно быть.

Я знаю на тульском чугунно-литейном заводе рабочих при домнах, которые для того, чтобы из двух воскресений иметь одно свободным, проработав день, остаются на ночь и работают сряду 24 часа. Я видел этих рабочих. Они все пьют вино, чтобы поддержать в себе энергию, и, очевидно, так же, как и эти грузчики на железной дороге, быстро тратят не проценты, а капитал своих жизней. А траты жизней людей, производящих заведомо вредные работы: типографщики, заражающиеся свинцовой пылью, рабочие на зеркальных, на карточных, на спичечных, сахарных, табачных, стеклянных заводах, рудокопы, золотари?

Статистические данные Англии говорят, что средняя долгота жизни людей высших классов 55 лет, продолжительность же жизней рабочих нездоровых профессий — 29.

Казалось бы, зная это (а не знать этого невозможно), нам, людям, пользующимся этим стоящим человеческих жизней трудом, если мы не звери, невозможно ни одной минуты

оставаться спокойными, а между тем мы, люди достаточные, либеральные, гуманные, очень чувствительные к страданиям не только людей, но и животных, не переставая пользуемся таким трудом, стараемся всё больше и больше богатеть, т. е. пользоваться всё больше и больше таким трудом, и остаемся совершенно спокойными.

Узнав, например, про 37-часовую работу грузчиков и про их дурное помещение, мы тотчас же пошлем туда получающего хорошее жалованье инспектора, запретим работу свыше 12-ти часов, предоставляя лишенным одной трети заработка рабочим кормиться, как они хотят, обяжем еще железную дорогу устроить удобное и просторное помещение для рабочих и тогда уже с совершенно спокойной совестью будем получать и отсылать товары по этой дороге и получать жалованье, дивиденды, доходы с домов, земли и т. п. Узнав же про то, что на шелковой фабрике живущие вдали от семей и среди соблазнов женщины и девушки губят себя и своих детей, что большая половина прачек, гладящих наши крахмальные рубашки, и наборщиков, печатающих развлекающие нас книжки и газеты, заболевают чахоткой, мы только пожмем плечами и скажем, что очень жалеем о том, что это так, но что сделать мы против этого ничего не можем, и будем с спокойной совестью продолжать покупать шелковые материи, носить крахмальные рубашки и читать поутру газеты. Мы очень озабочены отдыхом купеческих приказчиков, еще более переутомлением наших детей в гимназиях, строго запрещаем ломовым извозчикам накладывать на своих лошадей тяжелые воза, даже резание скотины на бойнях устраиваем так, чтобы животные страдали как можно меньше. Что же за удивительное затмение находит на нас, как только дело касается тех миллионов рабочих, которые со всех сторон медленно и часто мучительно убиваются на тех работах, которыми мы пользуемся для своих удобств и удовольствий?

Удивительное затмение это людей нашего круга можно объяснить только тем, что, когда люди поступают дурно, они всегда придумывают себе такое мировоззрение, при котором дурные поступки их представляются уже не дурными поступками, а последствиями неизменных и находящихся вне их власти законов. В старину такое мировоззрение состояло в том, что существует неисповедимая и неизменная воля бога, предназначившая одним низкое положение и труд, а другим высокое — и пользование благами жизни.

На тему этого мировоззрения было написано огромное количество книг и прочтено бесчисленное количество проповедей. Тема эта разрабатывалась с самых различных сторон. Доказывалось, что бог сотворил разных людей — и рабов, и господ, и те, и другие должны быть довольны своим положением; потом доказывалось, что рабам будет лучше на том свете; потом разъяснялось, что хотя рабы — и рабы и должны оставаться таковыми, их положение будет недурно, если господа будут милостивы к ним; потом самое последнее объяснение, уже после освобождения рабов, было то, что богатство вверено богом одним людям для того, чтобы они употребляли часть его на благие дела, и что тогда богатство одних и бедность других не представляют ничего дурного.

Объяснения эти удовлетворяли и бедных, и богатых, в особенности богатых, очень долго. Но пришло время, когда объяснения эти стали недостаточными, особенно для начинающих понимать свое положение бедных, и тогда понадобились новые объяснения. И как раз вовремя они и явились. Новые объяснения эти явились в виде науки — политической экономии, которая утверждает, что она нашла законы, по которым распределяются между людьми труд и пользование его произведениями. Законы эти по учению этой науки состоят в том, что распределение труда и пользование им зависит от спроса и предложения, от капитала, ренты, заработной платы, ценности, прибыли и т. д., вообще от неизменных законов, обуславливающих экономическую деятельность людей.

На тему эту было в короткое время написано не менее книг и брошюр и прочитано не менее лекций, чем было написано трактатов и прочитано проповедей богословских на прежнюю тему, и теперь не переставая пишутся горы брошюр и книг и читаются лекции; и все эти книги и лекции так же туманны и неудобопонятны, как и богословские трактаты и проповеди, и так же, как и богословские трактаты, вполне достигают предназначенной цели: дают такое объяснение существующему порядку вещей, при котором одни люди могут спокойно не работать и пользоваться трудами других людей.

То, что для исследований этой мнимой науки за образец общего порядка было принято не положение людей всего мира за всё историческое время, а положение людей в маленькой, находящейся в самом исключительном положении Англии в конце прошлого и начале нынешнего столетия, — нисколько не препятствовало принятию истинности положений, к которым пришли исследователи; так же, как не препятствуют этому теперь бесконечные

споры и разногласия деятелей этой науки, никак не могущих согласиться о том, как понимать ренту, прибавочную ценность, прибыль и т. п. Только одно основное положение этой науки признается всеми: то, что отношения людские обуславливаются не тем, что люди считают хорошим или дурным, а тем, что выгодно людям, находящимся в выгодном положении.

Признано несомненной истиной то, что если в обществе развелось много разбойников и воров, отнимающих у трудящихся людей произведения их труда, то это происходит не потому, что разбойники и воры дурно поступают, а потому, что таковы неизменные экономические законы, которые могут измениться только медленной, определенной наукой, эволюцией, и потому, по учению науки, люди, принадлежащие к разбойникам, ворах или укрывателям, пользующиеся грабежом и воровством, могут спокойно продолжать пользоваться наворованным и награбленным.

Большинство людей нашего мира, хотя и не знают в подробностях успокоительных объяснений науки, так же, как и многие прежние люди не знали в подробности теологических объяснений, оправдывавших их положение, — все все-таки знают, что объяснения эти есть, что ученые, умные люди несомненно доказали и продолжают доказывать, что теперешний порядок вещей — таков, каким он и должен быть, и что поэтому можно спокойно жить в этом порядке вещей, не стараясь изменить его.

Этим только я могу объяснить то удивительное затмение, в котором находятся добрые люди нашего общества, искренно желающие блага животным, но с спокойной совестью поедающие жизни своих братьев.

IV

Теория о том, что воля божия состоит в том, чтобы одни люди владели другими, очень долго успокаивала людей. Но эта теория, давая оправдания жестокости людей, довела эту жестокость до высшей степени и этим вызвала отпор и сомнение в ее истинности.

Так и теперь теория о том, что экономическая эволюция совершается по неизменным законам, вследствие которых одни люди должны собирать капиталы, а другие всю жизнь работать, увеличивая эти капиталы, приготавливаясь к обещаемому им обобществлению орудий производства, — теория эта, вызывая еще большую жестокость одних людей к другим, начинает также, в особенности среди людей простых, не одуренных наукой, вызывать некоторые сомнения.

Вы видите, например, грузчиков, губящих свою жизнь 37-часовым трудом, или женщин на фабрике, или прачек, или типографщиков, или все те миллионы людей, которые живут в тяжелых, неестественных условиях однообразного, одуряющего, подневольного труда, и естественно спрашиваете: что привело этих людей к такому положению и как избавить их от него? И наука отвечает вам, что эти люди находятся в этом положении потому, что железная дорога принадлежит такой-то компании, шелковая фабрика такому-то господину, и все заводы, фабрики, типографии, прачечные — вообще капиталистам, и что исправится это положение тем, что рабочие, соединясь между собою в союзы, кооперативные общества, стачками и участием в правительстве всё более и более влияя на хозяев и правительство, сначала добьются уменьшения часов работы и увеличения заработной платы, а под конец достигнут того, что все орудия производства перейдут в их руки. И тогда всё будет хорошо; теперь же всё идет, как должно итти, и изменять ничего не нужно.

Ответ этот не может не представляться неученым и, в особенности, русским людям очень удивительным. Во-первых, ни по отношению грузчиков или женщин на фабрике, ни всех миллионов других рабочих, страдающих от тяжелой, нездоровой, одуряющей работы, принадлежность капиталистам орудий производства ничего не объясняет. Орудия производства земледелия тех рабочих, которые живут теперь на железной дороге, вовсе не захвачены капиталистами: у этих рабочих есть и земля, и лошади, и сохи, и бороны, и всё, что нужно для обработки земли; точно так же женщины, работающие на фабрике, не только не вынуждены к этому тем, что у них отняты орудия производства, но, напротив, уходят большей частью против желания старших членов семьи из домов, где работа их очень нужна и где у них есть все орудия производства. В таком же положении находятся миллионы рабочих и в России, и в других государствах. Так что причину бедственного положения рабочих никак нельзя видеть в захвате капиталистами орудий производства. Причина должна заключаться в том, что выгоняет их из деревни. Это во-первых. Во-вторых же, избавить рабочих от этого положения даже и в том далеком будущем, в котором наука обещает это избавление, никак не могут — ни уменьшение часов работы, ни увеличение платы, ни обещаемое обобществление орудий производства.

Всё это не может улучшить их положения потому, что бедственность положения рабочих как на железной дороге, так и на шелковой и всякой другой фабрике или заведении, заключается не в большем или меньшем количестве часов работы (земледельцы работают, считая свою жизнь счастливою, иногда по 18 часов в сутки и по 36 часов подряд), и не в малом количестве платы, и не в том, что железная дорога или фабрика принадлежит не им, а в том, что рабочие принуждены работать в вредных, неестественных и часто опасных и губительных для жизни условиях городской казарменной жизни, полной соблазнов и безнравственности, и работать работу чужую и подневольную.

За последнее время часы работы уменьшились и заработная плата увеличилась, но это уменьшение часов работы и увеличение платы не улучшило положения рабочих, если иметь в виду не их более роскошные привычки: часы с цепочкой, шелковые платки, табак, вино, говядина, пиво и т. п., но их истинное благосостояние, т. е. их здоровье и нравственность и, главное, их свободу.

На знакомой мне фабрике шелковых изделий 20 лет тому назад работали преимущественно мужчины по 14 часов в сутки и вырабатывали рублей 15 в круг и большею частью отсылали эти деньги домашним в деревню. Теперь работают почти все женщины, работают 11 часов и вырабатывают некоторые до 25 рублей в месяц, в круг же более 15 рублей и большею частью, не посылая домой, все выработанные деньги проживают здесь преимущественно на наряды, пьянство и разврат. Уменьшение же часов работы только увеличивает время, проводимое ими в трактирах.

То же в большей или меньшей степени происходит на всех фабриках или заводах. Везде, несмотря на уменьшение часов работы и увеличение платы, ухудшается, в сравнении с земледельческой жизнью, здоровье, уменьшается средняя продолжительность жизни и теряется нравственность, как это и не может быть иначе при оторванности от наиболее содействующих нравственности условий — семейной жизни и свободного, здорового, разнообразного, осмысленного земледельческого труда.

Очень может быть то, что утверждают некоторые экономисты, что с уменьшением часов работы, увеличением платы и улучшением санитарных условий на фабриках, здоровье рабочих и их нравственность улучшается сравнительно с тем положением, в котором фабричные находились прежде. Может быть даже и то, что в последнее время и в некоторых местах положение рабочих на фабриках по внешним условиям лучше, чем положение сельского населения. Но это происходит, и то только в некоторых местах, оттого, что правительство и общество под влиянием положений науки делают всё возможное для ухудшения сельского и улучшения положения фабричного населения.

Если положение фабричных рабочих в некоторых местах, и то только по внешним условиям, лучше положения сельских рабочих, то это доказывает только то, что можно всякого рода стеснениями сделать бедственною самую лучшую по внешним условиям жизнь и что нет того самого неестественного и дурного положения, к которому не мог бы приспособиться человек, оставаясь в нем в продолжение нескольких поколений.

Бедственность положения фабричного и вообще городского рабочего не в том, что он долго работает и мало получает, а в том, что он лишен естественных условий жизни среди природы, лишен свободы и принужден к подневольному, чужому и однообразному труду.

И потому ответ на вопросы о том, почему фабричные и городские рабочие находятся в бедственном положении и как помочь этому, никак не может состоять в том, что происходит это оттого, что капиталисты завладели орудиями производства, и что улучшит положение рабочих уменьшение часов работы, увеличение платы и обобществление орудий производства.

Ответ на эти вопросы должен состоять в указании причин, лишивших рабочих естественных условий жизни среди природы и пригнавших их в фабричную неволю, и в указании средств избавления рабочих от необходимости перехода из свободной деревенской жизни в подневольную фабричную.

И потому в вопросе о том, почему рабочие в городах находятся в бедственном положении, заключается прежде всего вопрос о том, какие причины выгнали этих людей из деревни, где они или их предки жили и могли бы жить и у нас в России и теперь еще живут такие люди, и что пригнало и пригоняет их против их желания на фабрики и заводы.

Если же есть такие рабочие, которые, как в Англии, Бельгии, Германии, уже несколько поколений живут на фабриках, то и эти живут так не по своей воле, а потому, что их родители, деды или прадеды были чем-то вынуждены променять земледельческую жизнь, которую они любили, на жизнь в городе и на фабрике, которая им представлялась тяжелой. Сельское население сначала насильственно обезземеливали, говорит К. Маркс, изгоняли и доводили до бродяжничества, а затем, в силу жестоких законов, его пытали, клеймили каленым железом, наказывали плетьюми, с целью подчинить требованиям наемного труда. И потому вопрос о том, как избавить рабочих от их бедственного положения, казалось бы, естественно сводится к вопросу о том, как устранить те причины, которые выгнали уже некоторых и теперь выгоняют и хотят выгнать остальных из того положения, которое эти люди считали и считают хорошим, и пригнали и пригоняют в то положение, которое они считали и считают дурным.

Экономическая же наука, хотя и указывает мимоходом на причины, выгнавшие рабочих из деревни, не занимается вопросом об устранении этих причин, а всё свое внимание обращает на улучшение положения рабочих на существующих фабриках и заводах, как бы предполагая, что положение рабочих на этих заводах и фабриках есть нечто неизменное, такое, которое во что бы то ни стало должно оставаться для тех, которые находятся уже на фабриках, и должно сделаться таким же для тех, которые еще не оставили деревни и земледельческого труда.

Мало того, экономическая наука так уверилась в том, что все сельские рабочие должны неизбежно пройти через городское фабричное состояние, что несмотря на то, что все мудрецы и поэты мира всегда только в условиях земледельческого труда видели осуществление идеала человеческого счастья, несмотря на то, что все, с неизвращенными привычками, рабочие люди всегда предпочитали и предпочитают земледельческий труд

всякому другому, несмотря на то, что фабричный труд всегда нездоров, однообразен, а земледельческий — самый здоровый, разнообразный; несмотря на то, что земледельческий труд всегда свободный, т. е., что рабочий по своей воле чередует труд и отдых, а труд на фабрике, хотя бы она принадлежала самим рабочим, — всегда подневольный, в зависимости от машины; несмотря на то, что фабричный труд есть производный, а земледельческий основной, без которого не могли бы существовать никакие фабрики, экономическая наука все-таки утверждает, что все сельские люди не только не страдают от перехода из деревни в город, но сами желают этого, стремятся к этому.

V

Как ни явно несправедливо утверждение людей науки о том, что благо человечества должно состоять в том самом, что глубоко противно человеческому чувству, — в однообразном, подневольном фабричном труде, люди науки неизбежно приведены к необходимости этого явно несправедливого утверждения, так же, как неизбежно приведены были теологи к столь же явно несправедливому утверждению о том, что рабы и господа — различные существа и что неравенство их положений в этом мире возместится в будущем.

Причина этого явно несправедливого утверждения та, что люди, устанавливавшие и устанавливающие положение науки, принадлежат к достаточным классам и так привыкли к тем выгодным для себя условиям, среди которых они живут, что не допускают и мысли о том, чтобы общество могло существовать вне этих условий.

Условия же жизни, к которым привыкли люди достаточных классов, — это то обильное производство разнообразных предметов, нужных для их удобств и удовольствий, которое получается только благодаря существующим теперь фабрикам и заводам, при их настоящем устройстве. И потому, рассуждая об улучшении положения рабочих, люди науки, принадлежащие к достаточным классам, всегда предлагают только такие улучшения, при которых фабричное производство останется то же, а потому и те же останутся удобства жизни, которыми они пользуются.

Даже самые передовые люди науки — социалисты, требуя полной передачи рабочим орудий производства, при этом всегда предполагают, что будет продолжаться производство, на тех же или таких же фабриках и с теперешним же разделением труда, всё тех же предметов или почти тех же самых, которые производятся теперь. Разница по их представлению будет только в том, что тогда не они, а все будут пользоваться такими же удобствами, которыми они одни теперь пользуются. Смутно представляют они себе, что при обобществлении орудий труда и они, люди науки, и вообще — правящих классов, будут тоже участвовать в работах, но преимущественно в виде распорядителей: рисовальщиков, ученых, художников. О том же, как и кто будет делать белила в намордниках, кто будут кочегары, рудокопы и очистители клоаков, они или умалчивают, или предполагают, что все эти дела будут так усовершенствованы, что даже работы в клоаках и под землею будут составлять приятное занятие. Так представляют они себе экономическую жизнь и в утопиях в роде Беллами, и в ученых трактатах.

По их теории, рабочие тогда, все соединяясь в союзы, товарищества, воспитывая в себе солидарность, дойдут, наконец, посредством союзов, стачек и участия в парламентах до того, что овладеют всеми, включая и землю, орудиями производства; и тогда будут так хорошо питаться, так хорошо одеваться, такими будут пользоваться увеселениями по воскресениям, что предпочтут жизнь в городе, среди камня и дымовых труб, — жизни

деревенской, на просторе среди растений и домашних животных, и однообразную, по звонку, машинную работу, — разнообразной, здоровой и свободной земледельческой работе.

Хотя предположение это так же мало вероятно, как и предположение теологов о том рае, которым будут пользоваться на том свете рабочие за то, что они так мучительно работали в этом, умные и образованные люди нашего круга все-таки верят в это странное учение, так же, как прежние умные и ученые люди верили в рай для рабочих на том свете.

А верят ученые и их ученики — люди достаточных классов — в это потому, что им нельзя не верить. Перед ними стоит дилемма: или им надо видеть, что всё то, чем они пользуются в своей жизни, от железной дороги до спичек и папироски, есть стоящий многих жизней человеческих труд их братьев, и что они, не участвуя в этом труде, а пользуясь им, — очень нечестные люди, или надо верить, что всё совершающееся совершается по неизменным законам экономической науки для общего благополучия. В этом заключается та внутренняя психологическая причина, заставляющая людей науки, умных и образованных, но не просвещенных, с уверенностью и настойчивостью утверждать такую очевидную неправду, как ту, что рабочим людям для их блага лучше бросить свою счастливую и здоровую жизнь среди природы и идти губить свои тела и души на фабриках и заводах.

VI

Но если и допустить явно несправедливое и противное всем свойствам человеческой природы утверждение о том, что людям лучше жить и работать на фабриках и в городах машинную и подневольную работу, чем в деревне ручную и свободную работу, если и допустить это, то и тогда самый тот идеал, к которому, по учению людей науки, ведет экономическая эволюция, включает в себе такое внутреннее противоречие, которое никак невозможно распутать. Идеал этот состоит в том, что рабочие, сделавшись хозяевами всех орудий производства, будут пользоваться всеми теми удобствами и удовольствиями, которыми пользуются теперь одни достаточные люди. Все будут хорошо одеваться, хорошо помещаться, хорошо питаться, все будут ходить при электрическом свете по асфальту, посещать концерты и театры, читать газеты, книги, ездить на моторах и т. п. Но для того, чтобы все пользовались известными предметами, надо распределить производство желательных предметов и, стало быть, определить, сколько времени должен работать каждый работник: как определить это?

Статистические данные могут определить (и то очень несовершенно) потребности людей в скованном капитализмом, конкуренцией и нуждой обществе; но никакие статистические данные не покажут — сколько и каких предметов нужно для удовлетворения потребностей людей такого общества, в котором орудия производства будут принадлежать самому обществу, т. е. там, где люди будут свободны. Потребности в таком обществе никак нельзя будет определить, потому что потребности в таком обществе будут всегда в бесконечное число раз больше возможности их удовлетворения. Всякий пожелает иметь всё то, что имеют теперь самые богатые, и потому определить количество нужных для такого общества предметов нет никакой возможности.

Кроме того, как согласить людей работать предметы, которые одни будут считать нужными, а другие — ненужными или даже вовсе вредными? Если будет найдено, что для удовлетворения потребностей общества нужно будет каждому работать, хотя бы 6 часов в сутки, то кто заставит человека в свободном обществе работать эти 6 часов, когда он знает, что часть этих часов идет на производство предметов, которые он считает ненужными или даже вредными?

Нет никакого сомнения, что при теперешнем устройстве общества производятся с большой экономией сил, благодаря машинами, главное, разделению труда, чрезвычайно сложные и доведенные до высшей степени совершенства, самые разнообразные предметы, производство которых выгодно их хозяевам и пользоваться которыми мы находим очень удобным и приятным. Но то, что эти предметы сами по себе хорошо сделаны и сделаны с малой затратой сил, что они выгодны для капиталистов и что мы находим их для себя нужными, не доказывает того, что люди свободные без принуждения стали бы продолжать делать эти предметы. Нет никакого сомнения, что Крупп при теперешнем разделении труда очень скоро и искусно делает прекрасные пушки, и NN очень скоро и искусно — пестрые

шелковые материи, а SS — пахучие духи, глянцевитые карты, пудру, спасающую цвет лица, а Попов — вкусную водку и т. п., и что как для потребителей этих предметов, так и для хозяев заведений, где они делаются, это очень выгодно. Но пушки и духи и водка желательны для тех, которые хотят завладеть китайскими рынками, или любят пьянство, или заняты сохранением цвета лица, но будут люди, которые найдут производство этих предметов вредным. Но, не говоря про такие предметы, всегда будут люди, которые найдут, что выставки, академии, пиво, мясо не нужны и даже вредны. Как заставить этих людей участвовать в производстве таких предметов?

Но даже если люди сумеют найти средство согласить всех производить известные предметы, — хотя такого средства нет и не может быть, кроме принуждения, — кто в свободном обществе, без капиталистического производства, без конкуренции спроса и предложения, — определит, на какие предметы направить преимущественно силы: какой прежде, какой после работать? Прежде ли строить сибирскую дорогу и укреплять Порт-Артур, а потом проводить шоссе по уездам — или наоборот? Что прежде устраивать: электрическое освещение или орошение полей? И потом еще неразрешимый при свободе рабочих вопрос: кто какие будет работать работы? Очевидно, всем будет приятнее заниматься сенокосом или рисованием, чем быть кочегаром или очистителем клоаков. Как в этом распределении работ согласить людей? На все эти вопросы не ответят никакие статистические данные. Решение этих вопросов возможно только теоретическое, т. е. такое, что будут люди, которым будет дана власть распоряжаться всем этим. Одни люди будут решать эти вопросы, а другие будут повиноваться им.

Но, кроме вопроса о распределении и направлении производства и выборе труда при обобществлении орудий производства, является еще и самый главный вопрос, — о той степени разделения труда, которая может быть установлена в социалистически организованном обществе. Существующее теперь разделение труда обусловлено нуждами рабочих. Рабочий соглашается всю жизнь жить под землею или делать всю жизнь одну сотую предмета, всю жизнь однообразно махать руками среди грохота машин только потому, что без этого у него не будет средств к жизни. Но рабочий, владеющий орудиями производства и потому не терпящий нужды, только вследствие принуждения может согласиться стать в те одуряющие и убивающие душевные способности условия разделения труда, в которых люди работают теперь. Разделение труда несомненно очень выгодно и свойственно людям, но если люди свободны, то разделение труда возможно только до известного, очень недалекого предела, который давно уже перейден в нашем обществе.

Если один крестьянин занимается преимущественно сапожным мастерством, а жена его ткацким, а другой крестьянин пашет, а третий кует, и они все, приобретая исключительную ловкость в своей работе, потом обмениваются своими произведениями, то такое разделение выгодно для всех, и свободные люди естественно разделяют так труд между собой. Но такое разделение труда, при котором мастер делает всю жизнь одну сотую предмета или кочегар на заводе работает в 50-градусной температуре или задыхаясь от вредных газов, — такое разделение труда невыгодно людям, потому что оно, производя ничтожные предметы, губит самый драгоценный предмет — жизнь человеческую. И потому такое разделение труда, как то, которое существует теперь, может существовать только при принуждении.

Родбертус говорит, что разделение труда коммунистически связывает человечество. Это справедливо, но связывает человечество только свободное разделение труда, т. е. такое, при котором люди добровольно разделяют труд.

Если люди решили делать дорогу и один копает, другой везет камень, третий разбивает его и т. д., то такое разделение труда связывает людей. Но если независимо от желания, а иногда и против желания рабочих, строится железная стратегическая дорога, или Эйфелева башня, или все те глупости, которыми полна Парижская выставка, — и один рабочий вынужден добывать чугун, другой привозить уголь, третий лить этот чугун, четвертый рубить деревья, тесать их, не имея даже малейшего понятия о назначении обрабатываемых ими предметов, то такое разделение труда не только не связывает между собою рабочих, но, напротив, разделяет их.

И потому при обобществлении орудий труда, если люди будут свободны, они усвоят только такое разделение труда, при котором благо этого разделения будет больше, чем то зло, которое оно будет причинять рабочему. А так как всякий человек естественно видит благо в расширении и разнообразии своей деятельности, то, очевидно, такое разделение труда, какое существует теперь, невозможно в свободном обществе.

А как только изменится теперешнее разделение труда, так уменьшится — и в очень большой степени — и производство тех предметов, которыми мы теперь пользуемся, и которыми (предполагается, что будет в социалистическом государстве) пользоваться всё общество.

Предполагать, что при обобществлении орудий производства останется то же обилие посредством принудительного разделения труда производимых предметов, — всё равно, как предположение о том, что при освобождении от крепостного права останутся те же домашние оркестры, сады, ковры, кружева, театры, которые производились крепостными. Так что предположение о том, что при осуществлении социалистического идеала все люди будут свободны и, вместе с тем, будут пользоваться всем тем или почти тем же, чем пользуются теперь достаточные классы, заключает в себе очевидное внутреннее противоречие.

VII

Повторяется совершенно то же, что было во времена крепостного права. Как тогда большинство владельцев крепостных и вообще людей достаточных классов если и признавали положение крепостных не вполне хорошим, то предлагали для исправления его только такие изменения, которые не нарушали главных выгод помещиков, так и теперь люди достаточных классов, признавая положение рабочих не совсем хорошим, предлагают для исправления его только такие меры, которые не нарушают выгодного положения людей достаточных классов. Как тогда благорасположенный помещик говорил об отеческой власти и советовал, как Гоголь, помещикам быть добрее и заботливее о своих крепостных, но не допускал и мысли об освобождении, которое представлялось ему вредным и опасным, — так точно и теперь большинство достаточных людей нашего времени советуют хозяевам быть заботливее о благе своих рабочих, но точно так же не допускают и мысли о таком изменении строя экономической жизни, при котором рабочие были бы вполне свободны.

И точно так же как тогда передовые либеральные люди, признавая неизменным положение крепостных, требовали от правительства ограничения власти господ и сочувствовали возмущениям крепостных, так и теперь либералы нашего времени, признавая существующий порядок неизменным, требуют от правительства ограничения капиталистов и фабрикантов и сочувствуют союзам, стачкам, вообще возмущениям рабочих. И точно так же как и тогда самые передовые люди требовали освобождения крепостных, но и в проекте оставляли их в зависимости от собственников земли — помещиков или от оброков и податей, — так и теперь самые передовые люди требуют освобождения рабочих от капиталистов, обобществления орудий производства, но при этом оставляют рабочих в зависимости от теперешнего распределения и разделения труда, которые, по их мнению, должны остаться неизменными. Учение экономической науки, которому, хотя и не вникая в подробности его, следуют все считающие себя просвещенными и передовыми достаточные люди, представляется при поверхностном взгляде либеральным, даже радикальным, заключаая в себе нападки на богатые классы общества, но по существу учение это в высшей степени консервативное, грубое и жестокое. Так или иначе, но люди науки и за ними и все достаточные классы во что бы то ни стало хотят отстоять существующее теперь распределение и разделение труда, дающее возможность производить то большое количество предметов, которыми они пользуются. Существующий экономический строй люди науки, а за ними и все люди достаточных классов называют культурой и видят в этой культуре: железных дорогах, телеграфах, телефонах, фотографиях, рентгеновских лучах, клиниках, выставках и, главное, всех приспособлениях комфорта, — нечто такое священное, что не допускают даже мысли о таких изменениях, которые могли бы уничтожить всё это или хоть малую часть этих приобретений. Всё можно изменить по учениям этой науки, но только не то, что они называют культурой. А между тем становится всё более и более очевидным, что эта культура может существовать только благодаря принуждению рабочих к работе. Но люди науки так уверены в том, что культура эта есть величайшее из благ, что смело говорят обратное тому, что когда-то говорили юристы: *fiat justitia — pereat*

mundus.[90] Теперь же говорят: fiat cultura — pereat justitia.[91] И не только говорят, но и поступают так. Всё можно изменить и в практике, и в теории. Но только не культуру, — не всё то, что совершается на заводах, фабриках, а, главное, продается в магазинах.

Я же думаю, что людям просвещенным, исповедующим христианский закон братства и любви к ближнему, нужно сказать совершенно обратное:

Прекрасно электрическое освещение, телефоны, выставки и все сады Аркадии с своими концертами и представлениями, и все сигары и спичечницы, и подтяжки, и моторы; но пропади они пропадом, и не только они, но и железные дороги и все фабричные ситцы и сукна в мире, если для их производства нужно, чтобы 99/100 людей были в рабстве и тысячами погибали на работах, нужных для производства этих предметов. Если для того, чтобы Лондон или Петербург были освещены электричеством, или для того, чтобы были построены здания выставки, или для того, чтобы были красивые краски, или чтобы скоро и много ткали красивых материй, нужно, чтобы погибло, или сократилось, или извратилось хотя бы самое малое количество жизней (а статистика показывает нам, как много их погибает), то пускай освещается Лондон и Петербург газом или маслом, пускай не будет никакой выставки, пускай не будет красок, материй, но только чтоб не было рабства и происходящих от него гибелей жизней человеческих. Истинно просвещенные люди всегда лучше согласятся вернуться к езде верхом и на вьюках и даже к копанью земли кольями и руками, чем ездить по железным дорогам, регулярно давящим столько-то людей в год только потому, что владельцы дорог находят более выгодным платить семьям убитых вознаграждение, чем провести дороги так, чтобы они не могли давить людей, как это происходит в Чикаго.

Девиз истинно просвещенных людей не fiat cultura — pereat justitia, а fiat justitia — pereat cultura.[92]

Но культура, полезная культура и не уничтожится. Людям ни в каком случае не придется вернуться к копанью земли кольями и освещению себя лучинами. Недаром человечество при своем рабском устройстве сделало такие большие успехи в технике. Если только люди поймут, что нельзя пользоваться для своих удовольствий жизнью своих братьев, они сумеют применить все успехи техники так, чтобы не губить жизней своих братьев, сумеют устроить жизнь так, чтобы воспользоваться всеми теми выработанными орудиями власти над природой, которыми можно пользоваться, не удерживая в рабстве своих братьев.

VIII

Представим себе человека из совершенно чуждой нам страны, не имеющего понятия о нашей истории и наших узаконениях, у которого, показав ему нашу жизнь в разных ее проявлениях, спросили бы, какое он видит главное различие между образом жизни людей нашего мира? Главное различие в образе жизни людей, на которое укажет такой человек, будет то, что одни — малое число людей — с чистыми белыми руками, хорошо питаются, одеваются, помещаются, очень мало и легко или вовсе ничего не работают и только развлекаются, тратя на эти развлечения миллионы тяжелых рабочих дней других людей; другие же, всегда грязные, бедно одетые, бедно помещаемые и бедно питаемые, с мозолистыми, грязными руками, не переставая, с утра до вечера, иногда все ночи, работают на тех, которые ничего не работают и постоянно развлекаются.

Если между теперешними рабами и рабовладельцами трудно провести такую же резко отделяющую черту, как та, которая отделяла прежних рабов от рабовладельцев, и если между рабами нашего времени есть такие, которые только временно рабы, а потом делаются рабовладельцами, или такие, которые в одно и то же время и рабы, и рабовладельцы, то это смешение тех и других в точках соприкосновения не ослабляет истинности того положения, что все люди нашего времени разделяются на рабов и господ — так же определенно, как, несмотря на сумерки, разделяются сутки на день и ночь.

Если у рабовладельца нашего времени нет раба Ивана, которого он может послать в отхожую яму чистить свои испражнения, то есть 3 рубля, которые так нужны сотням Иванов, что рабовладелец нашего времени может выбрать любого из сотни Иванов и облагодетельствовать его тем, что предпочтительно перед другими позволит ему лезть в яму.

Рабы в наше время — не только все те фабричные и заводские рабочие, которые, чтобы существовать, должны продаваться в полную власть хозяев фабрик и заводов, — рабы и все почти землевладельцы, работающие не покладая рук на чужих полях чужой хлеб, убирая его в чужие гумна, или обрабатывающие свои поля только затем, чтобы уплачивать проценты за непогасимые долги банкирам, — такие же рабы и все бесчисленные лакеи, повара, горничные, проститутки, дворники, кучера, банщики, гарсоны и т. п., которые всю свою жизнь исполняют самые несвойственные человеческому существу и противные им самим обязанности.

Рабство существует в полной силе. Но мы не сознаем его, так же, как не сознано было в Европе, в конце XVIII столетия, рабство крепостного права. Люди того времени считали, что положение людей, обязанных обрабатывать для господ землю и повиноваться им, было естественное, неизбежное экономическое условие жизни, и не называли этого положения рабством.

То же самое и среди нас: люди нашего времени считают положение рабочих естественным, неизбежным экономическим условием и не называют этого положения рабством.

И как к концу XVIII столетия люди Европы понемногу стали понимать, что то, прежде казавшееся естественной и неизбежной формой экономической жизни, положение крестьян, находящихся в полной власти господ, нехорошо, несправедливо и безнравственно и требует изменения, так и теперь начинают люди нашего времени понимать, что казавшееся прежде вполне законным и нормальным положение наемных и вообще рабочих — не таково, каким оно должно бы быть, и требует изменений.

Положение рабства нашего времени находится теперь совершенно в том же фазисе, в котором находилось крепостное право в Европе в конце XVIII столетия, а у нас и невольничество в Америке во второй четверти XIX столетия.

Рабство рабочих нашего времени только начинает сознаваться передовыми людьми нашего общества; большинство же еще вполне уверено, что среди нас нет никакого рабства.

Людей нашего времени поддерживает в этом непонимании своего положения еще и то обстоятельство, что мы только что отменили в России и Америке рабство. В действительности же отмена крепостничества и невольничества была только отменой устаревшей, ставшей ненужной формы рабства и заменой ее более твердой и захватившей большее против прежнего количество рабов формой рабства. Отмена крепостного права и невольничества была подобна тому, что делали крымские татары со своими пленниками, когда они придумали разрезать им подошвы и насыпать туда рубленую щетину. Сделав над ними эту операцию, они снимали с них колодки и цепи. Отмена крепостного права в России и невольничества в Америке хотя и упразднила прежнюю форму рабства, не только не уничтожила самой сущности его, но была совершена только тогда, когда щетина в подошвах нарвала нарывы и можно было быть вполне уверенным, что без цепи и без колодок пленники не убегут и будут работать. (Северяне в Америке смело требовали уничтожения старого рабства потому, что среди них новое — денежное рабство уже явно захватило народ. Южные же не видели еще явных признаков нового рабства и потому не соглашались отменить старое.)

У нас в России было отменено крепостное право только тогда, когда земли все уже были захвачены. Если же крестьянам была дана земля, то наложены были подати, заменившие рабство земельное. В Европе подати, державшие народ в рабстве, стали отменяться только тогда, когда народ был обезземелен, отучен от земледельческой работы и посредством заражения городскими потребностями поставлен в полную зависимость от капиталистов. Тогда только были отменены в Англии пошлины на хлеб. Теперь начинают отменять подати с рабочих в Германии и других странах, переводя их на богатых, только потому, что большинство народа уже находится во власти капиталистов. Одно средство порабощения отменяется только тогда, когда другое уже заменило его. Средств же этих несколько. И если не одно, то другое и иногда несколько этих средств вместе держат народ в рабстве, т. е. ставят его в то положение, что одна, малая часть людей, имеет полную власть над трудами и жизнями большего числа людей. В этом-то порабощении большей части народа малой частью и состоит главная причина бедственного положения народа. И потому

средство улучшения положения рабочих должно состоять в том, чтобы, во-первых, признать то, что среди нас существует рабство, и не в каком-либо переносном, метафорическом смысле, а в самом простом и прямом смысле, рабство, держащее одних людей — большинство во власти других — меньшинства, и, во-вторых, в том, чтобы, признав это положение, найти причины порабощения одних людей другими и, в-третьих, найдя эти причины, уничтожить их.

IX

В чем же состоит рабство нашего времени? Что, какие силы порабащают одних людей другим? Если мы спросим у всех рабочих, как в России, так и в Европе и Америке, как на фабриках, так и на различных наемных должностях в городах и деревнях, что заставило людей избрать то положение, в котором они находятся, — все они скажут, что привело их к этому: или то, что у них нет земли, на которой они могли бы и желали бы жить и работать (это скажут все русские рабочие и очень многие из европейских); или то, что с них требуют подати, как прямые, так и косвенные, которые они не могут заплатить иначе, как работая чужую работу; или еще то, что удерживают их на фабриках соблазны более роскошных привычек, которые они усвоили и которым они могут удовлетворить, только продав свой труд и свою свободу.

Два первые условия: недостаток земли и подати — как бы загоняют человека в подневольные условия, третье же условие — неудовлетворенные увеличенные потребности заманивают его в эти условия и удерживают в них.

Можно себе представить по проекту Генри Джорджа освобождение земли от права личной собственности и потому уничтожение первой из причин, загоняющих людей в рабство — недостатка земли. Также можно себе представить и уничтожение податей, перенесение их на богатых, как это и совершается теперь в некоторых странах; но нельзя себе даже представить при теперешнем экономическом устройстве такого положения, при котором среди богатых людей не устанавливались бы всё более и более роскошные, часто вредные привычки жизни, и того, чтобы привычки эти не переходили понемногу, так же неизбежно, неудержимо, как вода в сухую землю, в соприкасающиеся с богатыми рабочие классы и не делались такими потребностями рабочих классов, за возможность удовлетворения которых рабочие бы не были готовы продать свою свободу.

Так что это третье условие, несмотря на свою произвольность, т. е. что человек, казалось бы, мог бы и не поддаваться соблазнам, и, несмотря на то, что наука вовсе не признает его причиной бедственного положения рабочих, — условие это составляет самую твердую, неустранимую причину рабства.

Рабочие, живя вблизи богатых людей, всегда заражаются новыми потребностями и получают возможность удовлетворять этим потребностям только в той мере, в какой они отдают самый напряженный труд за это удовлетворение. Так что рабочие в Англии и Америке, получая иногда в 10 раз больше того, что необходимо для существования, продолжают быть такими же рабами, какими были прежде.

Три причины, по объяснению самих рабочих, производят то рабство, в котором они находятся; история порабления рабочих и действительность их положения подтверждают справедливость этого объяснения. Все рабочие приведены в свое настоящее положение и удерживаются в нем этими тремя причинами.

Причины эти, действуя с разных сторон на людей, — таковы, что ни один человек не может уйти от их порабощения. Земледелец, не располагая вовсе землею или достаточным количеством ее, всегда будет вынужден, чтобы иметь возможность кормиться с земли, отдаться в постоянное или временное рабство тем, кто владеет землей. Если же он так или иначе добудет столько земли, что будет в состоянии кормиться на ней своим трудом, то с него прямым или косвенным путем потребуют такие подати, что ему опять необходимо будет для уплаты их отдаться в рабство. Если же, чтобы избавиться от рабства на земле, он перестанет обрабатывать землю и станет, живя на чужой земле, заниматься ремеслом, обменивая свои произведения на нужные ему предметы, то с одной стороны подати, а с другой конкуренция капиталистов, производящих те же, как и он, предметы усовершенствованными орудиями, заставят его отдаться в постоянное или временное рабство капиталисту. Если же, работая у капиталиста, он мог бы установить с ним свободные отношения, такие, при которых ему не нужно бы было отдавать свою свободу, то неизбежно усвояемые им привычки новых потребностей заставят его сделать это.

Так что так или иначе рабочий всегда будет в рабстве у тех людей, которые владеют податями, землею и предметами, необходимыми для удовлетворения его потребностей.

Х

Немецкие социалисты называли совокупность условий, подчиняющих рабочих капиталистам, железным законом рабочей платы, подразумевая под словом «железный» то, что этот закон есть что-то неизменное. Но в условиях этих нет ничего неизменного. Условия эти суть только последствия человеческих узаконений о податях, о земле и, главное, о предметах удовлетворения потребностей, т. е. о собственности. Узаконения же устанавливаются и отменяются людьми. Так что не какие-либо железные, социологические законы производят рабство людей, а узаконения. В данном случае рабство нашего времени очень ясно и определенно произведено не каким-либо железным стихийным законом, а человеческими узаконениями: о земле, о податях и о собственности. Существует одно узаконение о том, что всякое количество земли может быть предметом собственности частных лиц, может переходить от лица к лицу по наследству, завещанию, продаже; существует другое узаконение о том, что всякий человек должен платить беспрекословно подати, которые с него потребуют; и существует третье узаконение о том, что всякое количество каким бы то ни было путем приобретенных предметов составляет неотъемлемую собственность людей, которые ими владеют; и, вследствие этих узаконений, существует рабство.

Все узаконения эти до такой степени нам привычны, что представляются нам такими же естественными условиями человеческой жизни, в необходимости и справедливости которых не может быть никакого сомнения, какими представлялись встарину узаконения о крепостном праве и рабстве; и мы не видим в них ничего неправильного. Но как пришло время, когда люди, увидав губительные последствия крепостного права, усумнились в справедливости и необходимости узаконений, утверждавших его, так точно и теперь, когда стали явны губительные последствия теперешнего экономического строя, невольно приходится усумниться в справедливости и необходимости узаконений о земле, податях и собственности, производящих эти последствия.

Как прежде спрашивали, справедливо ли то, чтобы одни люди принадлежали другим и чтобы эти люди не имели ничего своего, а все произведения своего труда отдавали бы своим владельцам, так и теперь мы должны спросить себя, справедливо ли то, чтобы люди не могли пользоваться землею, числящейся собственностью других людей? Справедливо ли, чтобы люди отдавали другим в виде податей те части их труда, которые с них требуют? Справедливо ли то, чтобы люди не могли пользоваться предметами, считающимися собственностью других?

Правда ли, что люди не должны пользоваться землею, когда она числится собственностью людей, не обрабатывающих ее?

Говорится, что установлено это узаконение потому, что земельная собственность есть необходимое условие процветания земледелия, что если бы не было частной, переходящей по наследству собственности, то люди сгоняли бы друг друга с захваченной земли и никто

бы не работал, не улучшал той части земли, на которой сидит. Правда ли это?

Ответ на этот вопрос дает история и современная действительность. История говорит, что земельная собственность произошла никак не от намерения обеспечить владение землей, а от присвоения себе общей земли завоевателями и раздачи ее тем, которые служили завоевателям. Так что установление собственности земли не имело цели поощрения земледелия. Действительность же показывает несостоятельность утверждения о том, что земельная собственность обеспечивает за земледельцами уверенность в том, что у них не отнимут землю, которую они обрабатывают. В действительности совершалось и совершается везде обратное. Право земельной собственности, которым воспользовались и пользуются преимущественно крупные собственники, сделало то, что все или почти все, т. е. огромное большинство земледельцев, находится теперь в положении людей, обрабатывающих чужую землю, с которой их могут согнать по своему произволу те, которые не обрабатывают ее. Так что существующее право земельной собственности есть никак не ограждение права земледельца пользоваться теми трудами, которые он положил на землю, а, напротив, средство отнятия у земледельцев той земли, на которой они работают, и передача ее неработающим, и потому никак не есть средство поощрения земледелия, а, напротив, ухудшения его.

О податях утверждается, что люди должны платить их потому, что они установлены с общего, хотя и молчаливого согласия, и употребляются на общественные нужды для выгоды всех.

Правда ли это?

Ответ на этот вопрос дает и история и действительность. История говорит, что подати никогда не устанавливались с общего согласия, а, напротив, всегда только вследствие того, что одни люди, завоеванием или другими средствами захватив власть над другими людьми, облагали их данями не для общественных нужд, а для себя. То же самое продолжается и теперь. Подати берут те, которые имеют власть делать это. Если же теперь некоторая часть этих даней, называемых податями и налогами, и употребляется на дела общественные, то большей частью на такие общественные дела, которые скорее вредны, чем полезны большинству людей.

Так, например, в России отбирается от народа треть всего дохода, а на самую главную нужду, на народное образование, употребляется 1/50 часть всего дохода, и то на такое образование, которое больше вредит народу, одуряя его, чем приносит ему пользу. Остальные же 49/50 употребляются на ненужные и вредные для народа дела, как вооружение войска, стратегические дороги, крепости, тюрьмы, содержание духовенства, двора, на жалованье военным и статским чиновникам, т. е. на содержание тех людей, которые поддерживают возможность отбирать эти деньги у народа.

То же происходит не только в Персии, Турции, Индии, но и во всех христианских конституционных государствах и демократических республиках: деньги отбираются у большинства народа не столько, сколько нужно, а столько, сколько можно, и совершенно независимо от согласия или несогласия облагаемых (все знают, как составляются

парламенты и как мало они представляют волю народа) и употребляются не для общей пользы, а на то, что для себя считают нужным правящие классы: на войну в Кубе и Филиппинах, на отнятие и удержание богатств Трансвааля и т. п. Так что объяснение о том, что люди должны платить подати, потому что они установлены с общего согласия и употребляются для общей пользы, так же несправедливо, как и то, что земельная собственность учреждена для поощрения земледелия.

Правда ли, что люди не должны пользоваться предметами, нужными им для удовлетворения их потребностей, если предметы эти составляют собственность других людей?

Утверждается, что право собственности на приобретенные предметы установлено для того, чтобы обеспечить работника в том, что никто не отнимет у него произведений его труда.

Правда ли это?

Стоит только взглянуть на то, что совершается в нашем мире, где особенно строго ограждается такая собственность, чтобы убедиться, до какой степени действительность нашей жизни не подтверждает этого объяснения.

В нашем обществе, вследствие права собственности на приобретенные предметы, происходит то самое, предотвращение чего имеет в виду это право, а именно то, что все предметы, произведенные и постоянно производимые рабочими, находятся и, по мере производства их, отнимаются у тех, которые их производят.

Так что утверждение о том, что право собственности обеспечивает за работниками возможность пользования произведениями их труда, очевидно еще более несправедливо, чем оправдание права собственности на землю, и основано на том же самом софизме. Прежде несправедливо, насильственно отняты у рабочих произведения их труда, а потом узаконены правила, по которым эти самые несправедливо и насильственно отобранные у рабочих произведения их труда признаются неотъемлемой собственностью похитителей.

Собственность, например, фабрики, приобретенной рядом обманов, мошенничеств над рабочими, считается произведением труда и называется священной собственностью; жизнь же тех рабочих, которые гибнут в работе на этой фабрике, и их труд не считаются их собственностью, но считаются как бы собственностью фабриканта, если он, пользуясь нуждой рабочих, связал их считающимся законным образом. Сотни тысяч пудов хлеба, собранные ростовщицеством, рядом вымогательств с крестьян, считаются собственностью купца; выращенный же крестьянами хлеб на земле считается собственностью другого, если человек этот получил эту землю в наследство от дедов и прадедов, отнявших ее у народа.

Говорится, что закон одинаково ограждает собственность как обладателя фабрики, капиталиста, землевладельца, так и фабричного и земледельческого рабочего. Равенство капиталиста и рабочего такое же, как равенство двух борцов, из которых одному связали бы руки, а другому дали оружие в руки, в процессе же борьбы строго соблюдали бы равные для того и другого условия.

Так что все объяснения справедливости и необходимости трех узаконений, производящих рабство, так же неверны, как были неверны объяснения справедливости и необходимости прежнего крепостного права. Все три узаконения эти суть не что иное, как установление той новой формы рабства, которая заменила прежнюю. Как прежде установили люди узаконения о том, что одни люди могут покупать и продавать людей и владеть ими, могут заставлять их работать, — и было рабство, так теперь установили люди узаконения о том, что люди должны не пользоваться землею, которая числится принадлежащей другому, должны отдавать требуемые с них подати и должны не пользоваться предметами, считающимися собственностью других, — и есть рабство нашего времени.

XI

Рабство нашего времени происходит от трех узаконений: о земле, о податях и о собственности. И потому все попытки людей, желающих улучшить положение рабочих, невольно, хотя и бессознательно, направляются на эти три узаконения.

Одни отменяют подати, лежащие на рабочем народе, перенося их на богатых; другие предполагают уничтожить право собственности земли, и есть уже попытки осуществления этого и в Новой Зеландии, и в одном из штатов Америки (приближение к этому есть и ограничение права распоряжения землею в Ирландии); третьи — социалисты, предполагая обобществление орудий труда, предлагают обложение податями доходов, наследств и ограничение прав капиталистов — предпринимателей. Казалось бы, отменяются те самые узаконения, которые производят рабство, и что поэтому можно ожидать на этом пути уничтожения его. Но стоит только ближе взглянуть в условия, при которых совершаются и предполагаются отмены этих узаконений, чтобы убедиться, что все, не только практические, но и теоретические проекты улучшения положения рабочих суть только замены одних узаконений, производящих рабство, другими узаконениями, устанавливающими новые формы рабства. Так, например, те, которые отменяют подати и налоги на бедных, уничтожая сначала узаконения о прямых налогах, а потом переводя эти налоги с бедных на богатых, неизбежно должны удерживать и удерживают узаконения о собственности земли, орудий производства и других предметов, на которые и переводится вся тяжесть податей. Удержание же узаконений о земле и собственности, освобождая рабочих от податей, отдает их в рабство землевладельцев и капиталистов. Те же, которые, как Генри Джордж и его сторонники, отменяют узаконения о собственности земли, предлагают новые узаконения о земельной обязательной ренте, земельная же обязательная рента неизбежно установит новую форму рабства, потому что человек, вынуждаемый к уплате ренты или единого налога, при всяком неурожае, несчастии должен будет занять деньги у того, у кого они есть, и попадет опять в рабство. Те же, которые, как социалисты, в проекте отменяют узаконения о собственности земли и орудий производства, удерживают узаконения о податях и, кроме того, неизбежно должны ввести узаконения о принуждении к работе, т. е. устанавливают опять рабство в его первобытной форме.

Так что, так или иначе, все, до сих пор, как практические, так и теоретические, отмены одних узаконений, производящих рабство одного вида, всегда заменялись и заменяются новыми узаконениями, производящими рабство другого, нового вида.

Происходит нечто подобное тому, что делает тюремщик, перекладывая цепи пленника с шеи на руки, с рук на ноги, или снимая их, но утверждая запоры и решетки.

Все происходившие до сих пор улучшения положения рабочих состояли только в этом.

Узаконения о праве господ принуждать рабов к подневольному труду заменились узаконениями о принадлежности всей земли господам. Узаконения о принадлежности земли

господам заменились узаконениями о податях, распоряжение которыми находится во власти господ. Узаконения о податях заменились ограждением права собственности предметов потребления и орудий труда. Узаконения о праве собственности земли, предметов потребления и орудий производства предлагается заменить узаконением принудительной работы.

Первобытная форма рабства было прямое принуждение к работе. Обойдя весь круг разных скрытых форм: земельной собственности, податей, собственности предметов потребления и орудий производства, рабство возвращается к своей первобытной форме, хотя и в измененном виде — к прямому принуждению к работе.

Поэтому очевидно, что отмена одного из производящих рабство нашего времени узаконений: или податей, или земельной собственности, или собственности предметов потребления и орудий производства, не уничтожит рабства, а только отменит одну из форм его, которая тотчас же заменится новою, как это было с отменой личного рабства — крепостного права, отменой податей. Отмена даже всех трех узаконений вместе не уничтожает рабства, а вызывает новую, неизвестную еще нам форму его, уже теперь понемногу проявляющуюся стесняющим свободу рабочих узаконением в ограничении часов работы, возраста, состояния здоровья, в требованиях обязательного посещения школ, в отчислении процентов на призрение старых и увечных, во всех мерах фабричных инспекций, в правилах кооперативных обществ и т. п. Всё это не что иное, как передовые узаконения, подготавливающие новую, не испытанную еще форму рабства.

Так что становится очевидным, что сущность рабства лежит не в тех трех узаконениях, на которых оно держится теперь, и даже не в тех или иных узаконениях, а в том, что есть узаконения, есть люди, имеющие возможность устанавливать выгодные для себя узаконения, и что, пока будет у людей эта возможность, будет и рабство.

Прежде выгодно было для людей иметь прямых рабов: они установили узаконения о личном рабстве. Потом стало выгодно иметь собственные земли, брать подати, удерживать приобретенную собственность: они установили соответствующие узаконения. Теперь людям выгодно удержать существующее распределение и разделение труда: они устанавливают такие узаконения, которые принудили бы людей работать при существующем распределении и разделении труда. И потому основная причина рабства есть узаконения, то, что есть люди, имеющие возможность устанавливать их.

Что же такое узаконения и что дает людям возможность устанавливать их?

XII

Существует целая наука, более древняя и более лживая и туманная, чем политическая экономия, служители которой в продолжение столетий написали миллионы книг (большей частью противоречащих друг другу) для того, чтобы ответить на эти вопросы. Но так как цель этой науки, так же, как и политической экономии, состоит не в том, чтобы объяснить то, что есть и что должно быть, а в том, чтобы доказать, что то, что есть, то и должно быть, то в этой науке можно найти очень много рассуждений о праве, объекте и субъекте, об идее государства и т. п. предметах, непонятных не только для обучающихся, но и для обучающихся этим наукам; но нет никакого ясного ответа на вопрос о том, что такое узаконение.

По науке, узаконение есть выражение воли всего народа; но так как нарушающих узаконения или желающих нарушить их людей, но не нарушающих их только из страха наказаний, налагаемых за неисполнение узаконений, всегда больше, чем тех, которые желают исполнения узаконений, то очевидно, что узаконения ни в каком случае не могут быть понимаемы как выражение воли всего народа.

Существуют, например, узаконения о том, чтобы не портить телеграфных столбов, о том, чтобы оказывать почтение известным лицам, о том, чтобы каждый человек отбывал воинскую повинность или был присяжным, или о том, чтобы не переносить известных предметов за известную черту, или о том, чтобы не пользоваться землею, которая числится собственностью другого, не делать денежных знаков, не пользоваться предметами, которые считаются собственностью другого.

Все эти узаконения и многие другие чрезвычайно разнообразны и могут иметь самые разнообразные мотивы, но ни одно из них не выражает воли всего народа. Общая черта всех этих узаконений только одна, а именно та, что если какой-либо человек не исполнит их, то те, кто установили эти узаконения, пришлют вооруженных людей, и вооруженные люди прибьют, лишат свободы или даже убьют неисполняющего.

Если человек не захочет отдать в виде податей требуемую с него часть его труда, придут вооруженные люди и отнимут от него то, что от него требуется, а если он будет противиться, то прибьют его, лишат свободы, а иногда и убьют. То же будет с человеком, который станет пользоваться землею, числящейся собственностью другого. То же произойдет с человеком, который захочет воспользоваться нужными ему для удовлетворения его потребностей или для работы предметами, считающимися собственностью другого: придут вооруженные люди, отнимут у него то, что он возьмет, и, если он воспротивится, прибьют, лишат свободы или даже убьют его. То же произойдет с человеком, не выказавшим почтения тому, чему установлено выказывать почтение, и то же с тем, кто не исполнит требования итти в солдаты или станет делать денежные знаки... За всякое неисполнение установленных узаконений неисполнившие будут подвергаться побоям, лишениям свободы, даже убийству от тех людей, которые установили узаконения.

Придумано много разных конституций, начиная с английской и американской и кончая японской и турецкой, по которой люди должны верить, что все узаконения, устанавливаемые в их государстве, устанавливаются по воле их самих. Но все знают, что не только в деспотических, но и в самых мнимо-свободных государствах: Англии, Америке, Франции и других, узаконения устанавливаются не по воле всех, а только по воле тех, которые имеют власть, и потому всегда и везде бывают только такие, какие выгодны тем, кто имеет власть, — будут ли это многие, некоторые или даже один человек. В исполнение же приводятся узаконения всегда и везде только тем самым, чем всегда и везде заставляли и заставляют одних людей исполнять волю других, т. е. побоями, лишением свободы, убийством, как оно и не может быть иначе.

Не может же оно быть иначе потому, что узаконения суть требования исполнения известных правил. Заставить же исполнять одних людей известные правила, т. е. то, чего хотят от них другие, иначе нельзя, как побоями, лишением свободы и убийством. Если есть узаконения, то должна быть та сила, которая может заставить людей исполнять их. Сила же, могущая заставить людей исполнять правила, т. е. волю других, есть только одна — насилие, не простое насилие, которое употребляется людьми друг против друга в минуты страсти, а насилие организованное, сознательно употребляемое людьми, имеющими власть, для того, чтобы заставить других людей исполнять всегда установленные ими правила, т. е. то, что они хотят.

И потому сущность узаконений вовсе не в субъекте или объекте права, не в виде государства, совокупной воли народа и т. п. неопределенных и запутанных словах, а в том, что есть люди, которые, располагаясь организованным насилием, имеют возможность заставлять людей исполнять свою волю.

Так что точное, всем понятное и бесспорное определение узаконений будет такое:

Узаконения — это правила, устанавливаемые людьми, распоряжающимися организованным насилием, за неисполнение которых неисполняющие подвергаются побоям, лишению свободы и даже убийству.

В этом определении заключается и ответ на вопрос: что дает людям возможность устанавливать узаконения? Дает возможность устанавливать узаконения то самое, что обеспечивает их исполнение: организованное насилие.

XIII

Причина бедственности положения рабочих есть рабство. Причина рабства — узаконения. Узаконения же основаны на организованном насилии.

И потому улучшение положения людей возможно только при уничтожении организованного насилия.

Но организованное насилие есть правительство. А разве можно жить без правительства? Без правительства будет хаос, анархия, погибнут все успехи цивилизации, и люди вернуться к первобытной дикости. Только троньте существующий порядок вещей, говорят обыкновенно не только те, которым этот порядок вещей выгоден, но и те, которым он явно невыгоден, но которые так привыкли к нему, что не могут себе представить жизни без правительственного насилия, — уничтожение правительства произведет величайшие несчастья: буйства, грабежи, убийства, в конце которых будут царствовать все дурные и будут в порабощении все хорошие люди, говорят они. Но не говоря уже о том, что всё это, т. е. буйства, грабежи, убийства, в конце которых наступит царство злых и порабощение добрых, — что всё это уже было и теперь есть, не говоря уже об этом, предположение о том, что нарушение существующего устройства произведет смуты и беспорядки, не доказывает того, чтобы порядок этот был хорош.

«Только троньте существующий порядок, — и произойдут величайшие бедствия».

Только троньте один кирпич из тысячи кирпичей, сложенных в высокий в несколько сажен, узкий столб, — и развалятся и разобьются все кирпичи. Но то, что всякий вынутый кирпич и всякий толчок разрушат такой столб и все кирпичи, никак не доказывает того, чтобы разумно было держать кирпичи в неестественном и неудобном положении. Наоборот, это показывает то, что кирпичи не надо держать в таком столбе, а надо разложить их так, чтобы они твердо держались и можно бы было ими пользоваться, не разрушая всего устройства. То же и с теперешним государственным устройством. Государственное устройство есть устройство весьма искусственное и шаткое, и то, что малейший толчок разрушает его, не только не доказывает того, что оно необходимо, но, напротив, показывает то, что если оно и было когда-нибудь нужно, то теперь оно вовсе не нужно и потому вредно и опасно.

Оно вредно и опасно потому, что при этом устройстве всё то зло, которое существует в обществе, не только не уменьшается и не исправляется, а только усиливается и утверждается. Усиливается и утверждается оно потому, что оно или оправдывается и облачается в привлекательные формы, или скрывается.

Всё то благоденствие народов, которое представляется нам в управляемых насилием, так называемых благоустроенных государствах, ведь есть только видимость — фикция. Всё, что может нарушить внешнее благообразие, — все голодные, больные, безобразно

развращенные, все попрытаны по таким местам, где их нельзя видеть. Но то, что их не видно, не показывает того, что их нет. Напротив, их тем больше, чем больше они скрыты, и тем жесточе к ним те, которые их производят.

Правда, что всякое нарушение, а тем более прекращение правительственной деятельности, т. е. организованного насилия, нарушит такое внешнее благообразие жизни, но это нарушение произведет не расстройство жизни, а только обнаружит то, которое было скрыто, и даст возможность исправления его.

Люди думали и верили до последнего времени, до конца нынешнего столетия, что они не могут жить без правительств.

Но жизнь идет, условия жизни и взгляды людей изменяются. И, несмотря на усилия правительств, направленные к тому, чтобы удержать людей в том детском состоянии, в котором обиженному человеку кажется легче, если есть кому пожаловаться, люди — в особенности рабочие люди, не только в Европе, но и в России, всё больше и больше выходят из ребячества и начинают понимать истинные условия своей жизни.

«Вы говорите нам, что без вас нас завоюют соседние народы: китайцы, японцы, — говорят теперь люди из народа, — но мы читаем газеты и знаем, что никто не угрожает нам войною, а что только одни вы, правители, для каких-то непонятных нам целей, озлобляете друг друга и потом, под предлогом защиты своих народов, разоряя нас податями на содержание армии, флотов, вооружений, стратегических железных дорог, нужных только для вашего честолюбия и тщеславия, затеваете войны друг с другом, как теперь вы это устроили с миролюбивыми китайцами. Вы говорите, что вы для нашего блага ограждаете земельную собственность, но ваше ограждение делает то, что вся земля или перешла, или переходит во власть неработающих компаний, банкиров, богачей; а мы, огромное большинство народа, обезземелены и находимся во власти неработающих. Вы со своими законами о земельной собственности не ограждаете земельную собственность, а отнимаете ее у тех, кто работает. Вы говорите, что ограждаете за всяким человеком произведения его труда, а между тем делаете как раз обратное: все люди, производящие ценные предметы, благодаря вашему мнимому ограждению поставлены в такое положение, что никогда не только не могут получать стоимости своего труда, но вся жизнь их находится в полной зависимости и власти неработающих людей».

Так начинают понимать и говорить люди конца нашего века. И это пробуждение от того усыпления, в котором держали их правительства, совершается в какой-то быстро увеличивающейся прогрессии. За последние пять, шесть лет общественное мнение народа, не только в городах, но и в деревнях, не только в Европе, но у нас в России поразительно изменилось.

Говорят, что без правительств не будет тех учреждений: просветительных, воспитательных, общественных, которые нужны для всех.

Но почему же предполагать это? Почему думать, что неправительственные люди не сумеют сами для себя устроить свою жизнь так же хорошо, как ее устраивают не для себя, а для

других правительственные люди?

Мы видим, напротив, что в самых разнообразных случаях жизни в наше время люди устраивают сами свою жизнь без сравнения лучше, чем ее устраивают для них правящие ими люди. Люди без всякого вмешательства правительства, часто несмотря на вмешательство правительства, составляют всякого рода общественные предприятия — союзы рабочих, кооперативные общества, компании железных дорог, артели, синдикаты. Если для общественного дела нужны сборы, то почему же думать, что без насилия свободные люди не сумеют добровольно собрать нужные средства и учредить всё то, что учреждается посредством податей, если только эти учреждения для всех полезны? Почему думать, что не могут быть суды без насилия? Суд людей, которым доверяют судящиеся, всегда был и будет и не нуждается в насилии. Мы так извращены долгим рабством, что не можем себе представить управления без насилия. Но это неправда. — Русские общины, переселяясь в отдаленные края, где наше правительство не вмешивается в их жизнь, устраивают сами свои сборы, свое управление, свой суд, свою полицию и всегда благоденствуют до тех пор, пока правительственное насилие не вмешивается в их управление. Точно так же нет причины предполагать, чтобы люди не могли с общего согласия распределить между собой пользования землею.

Я знал людей — уральских казаков, — которые жили, не признавая земельной собственности. И было благоденствие и порядок во всем обществе такие, каких нет в обществах, где земельная собственность ограждается насилием. Знаю и теперь общины, живущие без признания за отдельными людьми права земельной собственности. Весь русский народ на моей памяти не признавал земельной собственности. Ограждение земельной собственности правительственным насилием не только не устраняет борьбу за земельную собственность, но, напротив, усиливает эту борьбу, большею частью и производит ее. Не будь ограждения земельной собственности и вследствие этого увеличения ее ценности, люди не теснились бы в одних местах, а расселялись бы по свободным землям, которых еще так много на земном шаре. Теперь же происходит непрерывающаяся борьба за земельную собственность и борьба теми орудиями, которые дает правительство своими узаконениями о земельной собственности. И в борьбе этой всегда одерживают победу не работающие на земле, а участвующие в правительственном насилии.

То же самое и по отношению предметов, произведенных трудом. Предметы, действительно произведенные трудом человека и необходимые ему для жизни, всегда ограждаются обычаем, общественным мнением, чувством справедливости и взаимности и не нуждаются в ограждении насилием.

Десятки тысяч десятин леса, принадлежащих одному владельцу, тогда как тысячи людей рядом не имеют топлива, нуждаются в ограждении насилием. Так же нуждаются в ограждении заводы, фабрики, на которых несколько поколений рабочих были ограблены и продолжают ограбляться. Еще более нуждаются в ограждении сотни тысяч пудов хлеба одного владельца, дождавшегося голода, чтобы продавать его втридорога голодающему народу. Но ни один человек, хотя бы самый развращенный, кроме богача или правительственного чиновника, не отнимет у кормящегося своей работой земледельца выращенного им урожая или выращенной им и кормящей его детей молоком коровы, или

сделанной и употребляемой им сохи, косы, лопаты. Если же и найдется такой человек, который все-таки отнимет у другого произведенные им и необходимые ему предметы, то такой человек вызовет против себя такое негодование всех людей, находящихся в одинаковых условиях, что едва ли найдет такой поступок для себя выгодным. Если же человек этот так безнравственен, что все-таки сделает это, то он сделает то же самое и при самом строгом ограждении собственности насилием. Обыкновенно говорят: попробуйте уничтожить право собственности земли и предметов труда — и никто, не будучи уверен в том, что у него не отнимут то, что он сработает, не станет трудиться. Надо сказать совершенно обратное: ограждение насилием права незаконной собственности, практикующееся теперь, если не уничтожило вполне, то значительно ослабило в людях естественное сознание справедливости по отношению пользования предметами, т. е. естественного и прирожденного права собственности, без которого не могло бы жить человечество и которое всегда существовало и существует в обществе.

И потому нет никакого основания предполагать, что без организованного насилия люди не будут в состоянии устроить свою жизнь.

Понятно, что можно сказать, что лошадям и быкам нельзя жить без насилия над ними разумных существ — людей; но почему людям нельзя жить без насилия над ними, — не каких-либо высших существ, а таких же, какие они сами? Почему люди должны покоряться насилию именно тех людей, которые в данное время находятся во власти? Что доказывает, что эти люди — люди более разумные, чем те, над которыми они совершают насилие?

То, что они позволяют себе делать насилие над людьми, показывает то, что они не только не более разумны, но менее разумны, чем те, которые им покоряются. Китайские экзамены на должности мандаринов, как мы знаем, не обеспечивают того, чтобы во власти находились разумнейшие, лучшие люди. Точно так же мало обеспечивает это наследственность и все устройства чиновничьего или выборов в европейских государствах. Напротив, во власть пролезают всегда менее совестливые, чем другие, и менее нравственные.

Говорят: как могут люди жить без правительств, т. е. без насилия? Надо сказать напротив: как могут люди, разумные существа, жить, признавая внутренней связью своей жизни насилие, а не разумное согласие?

Одно из двух: или люди разумные, или неразумные существа. Если они неразумные существа, то они все неразумные существа, и тогда всё между ними решается насилием, и нет причины одним иметь, а другим не иметь права насилия. И насилие правительства не имеет оправдания. Если же люди разумные существа, то их отношения должны быть основаны на разуме, а не на насилии людей, случайно захвативших власть. И потому насилие правительства тоже не имеет оправдания.

XIV

Рабство людей происходит от узаконений, узаконения же устанавливаются правительствами, и потому освобождение людей от рабства возможно только через уничтожение правительств.

Но как уничтожить правительства?

Все попытки уничтожения правительств насилием до сих пор всегда и везде приводили только к тому, что на место сверженных правительств устанавливались новые, часто более жестокие, чем те, которые они заменяли.

Не говоря уже о совершившихся попытках уничтожения правительств посредством насилия, предстоящее теперь, по теории социалистов, уничтожение насилия капиталистов, т. е. обобществление орудий производства и новое экономическое устройство, должно совершиться по их учению тоже через новое организованное насилие, и должно быть удерживаемо им же. Так что попытки уничтожения насилием как до сих пор не приводили, так, очевидно, и в будущем не могут привести людей к освобождению от насилия, а следовательно и от рабства. Оно и не может быть иначе. Насилие употребляется одними людьми над другими (за исключением порывов мести и злобы) только для того, чтобы принудить одних людей против их желания исполнять волю других. А необходимость исполнять против своего желания волю других людей и есть рабство. И потому покуда будет какое бы то ни было насилие, предназначенное для принуждения одних людей исполнять волю других, будет и рабство.

Все попытки уничтожения рабства насилием подобны тушению огня огнем, или удержания воды водою, или засыпанию одной ямы землею, вырываемой рядом из другой.

И потому средство освобождения от рабства, если оно только существует, должно состоять не в установлении нового насилия, а в уничтожении того, что производит возможность правительственного насилия. Возможность же правительственного насилия, как и всякого насилия малого числа людей над большим, всегда производило и производит только то, что малое число вооружено, а большинство безоружно, или малое число лучше вооружено, чем большое.

Так это происходило при всех завоеваниях: так покоряли народы — греки, римляне, рыцари, кортесы, так и теперь покоряют людей в Африке, Азии, так же держат в покорности в мирное время своих подданных все правительства.

Как встарину, так и теперь одни люди властвуют над другими только потому, что одни вооружены, а другие нет.

Встарину воины нападали с своими вожжами на беззащитных жителей и покоряли их себе и грабили их, и все по мере своего участия, своей храбрости, жестокости делились добычей, и каждому воину явно было, что совершаемое им насилие выгодно для него. Теперь же вооруженные люди, взятые преимущественно из рабочих, идут на беззащитных людей, стачечников, бунтовщиков или обитателей чужих стран, и покоряют их и грабят (т. е. заставляют отдавать свой труд) не для себя, а для людей, которые даже и не участвуют в покорении.

Разница между завоевателями и правительствами только в том, что завоеватели сами с своими воинами нападали на беззащитных жителей и приводили, в случае непокорности, свои угрозы истязаний и убийств в исполнение, правительства же не сами производят, в случае непокорности, истязания и убийства над безоружными жителями, а заставляют делать это обманутых и особенно для этого озверенных людей, взятых из того самого народа, который они насилуют. Так что прежнее насилие производилось личными усилиями: храбростью, жестокостью, ловкостью самих завоевателей; теперешнее же насилие производится обманом.

И потому если прежде, для того, чтобы избавиться от насилия вооруженных людей, надо было вооружиться и выставить вооруженное насилие против вооруженного насилия, то теперь, когда народ покорен не прямым насилием, а обманом, для уничтожения насилия нужно только обличение того обмана, который дает возможность малому числу людей совершать насилие над большим числом.

Обман, посредством которого это совершается, состоит в том, что малое число властвующих людей, получивших власть от предшественников, установленную завоевателями, говорят большинству: вас много, вы глупы и необразованны, и не можете ни управлять сами собой, ни устраивать свои общественные дела, и потому мы берем на себя эти заботы: мы будем защищать вас от внешних врагов, будем устраивать и поддерживать среди вас внутренний порядок, будем делать между вами суд, будем заводить и блюсти для вас общественные учреждения: училища, пути сообщения, почты и вообще заботиться о вашем благе. За всё это мы требуем от вас только повиновения тем узаконениям, которые мы будем издавать для вашей безопасности и пользы, и поступления в известном возрасте в солдаты или платы податей, на которые мы будем нанимать войско. И люди соглашались на эти условия не потому, что они взвесили выгоды и невыгоды своего положения (они никогда не бывают в положении сделать это), а потому, что они с рождения уже застают себя в этих условиях, воспитаны в них, и, главное, потому, что правительство, т. е. малое число обманывающих, зная свой обман, употребляют все средства (а средств у него очень много) на то, чтобы внушить людям не только убеждение в том, что они не могут жить без правительства и войска, но и то, что люди, управляющие ими и стоящие во главе войска, заслуживают величайшего уважения, преданности, даже обожания. И люди поддаются на это. Когда же солдаты набраны или наняты и вооружены, их подвергают особенному, введенному только в новое время, после того как прекратилось участие воинов в добыче, обучению, называемому дисциплиною. Дисциплина же состоит в том, что посредством выработанных веками сложных, искусных приемов люди, поступающие в это обучение и прошедшие его некоторое время, лишаются совершенно человеческого главного свойства: разумной свободы и делаются покорными машинообразными орудиями убийства в руках своего организованного

иерархического начальства. Вот в этом-то дисциплинированном войске и лежит сущность того обмана, вследствие которого правительства нового времени властвуют над народами.

И потому единственное средство уничтожения правительств не есть насилие, а обличение этого обмана; нужно, чтобы люди поняли, во-первых, то, что среди христианского мира нет никакой нужды в защите народов друг от друга, что все вражды народов между собою вызываются только самими правительствами и что войска нужны только для малого числа властвующих, для народов же не только не нужны, но в высшей степени вредны, служа орудием порабощения людей; во-вторых, нужно, чтобы люди поняли то, что та столь высоко ценимая всеми правительствами дисциплина есть величайшее преступление, какое только может совершить человек, есть явная улика преступности целей правительства.

Дисциплина есть уничтожение разума и свободы в человеке и не может иметь другой цели, как только приготовление к совершению таких злодеяний, которых не может совершить ни один человек в нормальном состоянии. Для оборонительной народной войны даже, как это доказала недавно война буров, она не нужна. Нужна она только, и главное, для того, для чего определил ее назначение Вильгельм II: для совершения величайших преступлений брато- и отцеубийства.

Недаром все короли, императоры, даже республиканские правительства так дорожат дисциплинированными войсками. Дисциплинированное войско есть то средство, посредством которого они чужими руками могут совершать величайшие злодеяния, возможность которых и подчиняет им народы.

Причина бедствий народа есть рабство. Рабство держится на узаконениях. Узаконения же устанавливаются правительствами. Потому для улучшения положения людей нашего времени нужно уничтожение насилия правительств. Для уничтожения же правительств нужно сознание их ненужности и преступности тех средств, которыми они порабощают народ.

Немецкий писатель Евгений Шмит, издававший в Будапеште газету «Ohne Staat», напечатал в ней глубоко верную и смелую не только по выражению, но и по мысли статью, в которой он доказывает, что правительство если и обеспечивает своим подданным известного рода безопасность, то поступает по отношению их совершенно так же, как поступал калабрийский разбойник, обложив податью всех тех, кто хотел безопасно ездить по дорогам.

Шмит был предан суду за эту статью, но присяжные торжественно оправдали его, как и не могли иначе, признав несомненную истинность его мысли.

В самом деле, что же такое государство, как не такое же разбойническое учреждение. Государственное учреждение только сложнее учреждения калабрийского разбойника, но еще более безнравственно и жестоко. У разбойника все платившие подать получали одинаковое обеспечение безопасности. В государстве же чем больше кто участвует в организованном обмане, тем более он получает не только обеспечения, но и вознаграждения. Более всех обеспечен (всегда за ним охрана) император, король, президент и более всех тратит денег, собранных с обложенных податями подданных; потом

по мере большего или меньшего участия в правительственных преступлениях идут главнокомандующие, министры, полицейские, губернаторы и так до городских, меньше всех огражденных и получающих меньше всех жалования. Тот же, кто совсем не участвует в правительственных преступлениях, отказываясь от службы, податей, суда, тот подвергается, как и у разбойников, насилию.

Для избавления людей от их бедствий и от рабства нужно, чтобы они поняли, что правительства не суть необходимейшие и священные учреждения, к которым нельзя относиться иначе, как с покорностью и благоговением, как это постоянно внушается людям. К правительствам, как и к церквам, нельзя относиться иначе, как с благоговением или омерзением. Время благоговейного отношения к правительствам, несмотря на всю гипнотизацию, которую употребляют правительства для удержания своего положения, всё более и более проходит. И людям пора понять, что правительства суть не только ненужные, но и зловердные и в высшей степени безнравственные учреждения, в которых честный и уважающий себя человек не может и не должен участвовать и выгодами которых не может и не должен пользоваться.

А как скоро люди ясно поймут это, так они естественно перестанут участвовать в тех делах, т. е. давать правительствам солдат и деньги. А лишь только большинство людей перестанет это делать, так само собой уничтожится обман, порабощающий людей.

Только этим способом могут быть освобождены люди от рабства.

XV

«Но всё это общие рассуждения; справедливые ли они или несправедливые, — они неприменимы к жизни», слышу я возражения людей, привыкших к своему положению и не считающих возможным или не желающих изменить его.

«Скажите, что именно делать, как устроить общество?» — говорят обыкновенно люди достаточных классов.

Люди достаточных классов так привыкли к своей роли рабовладельцев, что, когда речь идет об улучшении положения рабочих, они, чувствуя себя в положении помещиков, тотчас же начинают придумывать всякого рода проекты для устройства своих рабов, но в мысли не имеют того, что они не имеют никакого права распоряжаться другими людьми, а что если они точно желают добра людям, то одно, что они могут и должны сделать, — это то, чтобы перестать делать то дурное, что они теперь делают. А дурное, что они делают, — очень определено и ясно. Дурное, что они делают, — не только то, что они пользуются принудительным трудом рабов и не хотят отказаться от этого пользования, но и то, что сами участвуют в учреждении и поддержании этого принудительного труда. Вот это-то им и надо перестать делать.

Люди же рабочие тоже так развращены своим продолжительным рабством, что большинству из них кажется, что если их положение дурно, то виноваты в этом хозяева, слишком мало платящие им и владеющие орудиями производства; им и в голову не приходит то, что дурное положение их зависит только от них самих и что если они точно хотят улучшения своего и своих братьев положения, а не каждый только своей выгоды, то главное, что им надо делать, это — самим перестать делать дурное. А дурное, что они делают, состоит в том, что, желая улучшить свое материальное положение теми самыми средствами, которыми они сами приведены в рабство, рабочие, ради возможности удовлетворения тех привычек, которые они усвоили, жертвуя своим человеческим достоинством и свободой, поступают в унижительные, безнравственные должности или работают ненужные и вредные предметы; главное же — в том, что поддерживают правительства, участвуют в них податями и непосредственной службой и тем порабощают самих себя.

Для того, чтобы положение людей улучшилось, как людям достаточных классов, так и рабочим надо понять, что улучшать положение людей нельзя, соблюдая свою выгоду, что служба людям не бывает без жертв, и что поэтому, если люди действительно хотят улучшить положение своих братьев, а не свое одно, им надо быть готовыми не только на изменение всего того строя жизни, к которому они привыкли, и на лишение тех выгод, которыми они пользовались, но и на напряженную борьбу не с правительствами, а с собой и своими семьями, быть готовыми на гонения за неисполнение правительственных требований.

А потому ответ на вопрос, что именно делать, — очень простой и не только определенный, но и в высшей степени всегда и для всякого человека удобоприменимый и исполнимый, хотя и не такой, какой ожидается теми, которые, как люди достаточных классов, вполне уверены, что они призваны не исправлять самих себя (сами и так хороши), а учить и устраивать других людей, и теми, которые, как рабочие, уверены в том, что виноваты в их дурном положении не они сами, а одни капиталисты, и что исправиться это положение может только тем, чтобы отнять у капиталистов то, чем они пользуются, и сделать так, чтобы все могли пользоваться теми приятностями жизни, какими пользуются теперь одни капиталисты. Ответ этот весьма определенный, удобоприменимый и исполнимый, потому что призывает к деятельности то единственное лицо, над которым каждый имеет действительную, законную и несомненную власть, а именно: самого себя, и состоит в том, что если человек — всё равно раб он или рабовладелец — точно хочет улучшить не одно свое положение, а положение людей, то должен сам не делать дурного, которое производит рабство его и его братьев.

А для того, чтобы не делать того дурного, которое производит бедствие его и его братьев, он должен — во-первых, ни добровольно, ни принудительно не принимать участия в правительственных деятельности и потому не принимать на себя звание ни солдата, ни фельдмаршала, ни министра, ни сборщика податей, ни понятого, ни старосты, ни присяжного, ни губернатора, ни члена парламента, и вообще никакой должности, связанной с насилием. Это — одно. Во-вторых, такой человек должен не давать добровольно правительствам податей, ни прямых, ни косвенных, и точно так же не должен пользоваться деньгами, собранными податями, ни в виде жалованья, ни в виде пенсий, наград и т. п. правительственными учреждениями, содержащими на подати, насильно собираемые с народа. Это — второе. В-третьих, человек, желающий содействовать не своему одному благу, а улучшению положения людей, должен не обращаться к правительственным насилиям ни для ограждения владения землею и другими предметами, ни для ограждения безопасности своей и своих близких, а владеть как землею, так и всеми произведениями чужого или своего труда только в той мере, в какой к этим предметам не предъявляются требования других людей.

«Но такая деятельность невозможна: отказаться от всякого участия в правительственных делах значит отказаться от жизни», — скажут на это. Человек, который откажется от исполнения воинской повинности, будет заключен в тюрьму; человек, не платящий податей, подвергается наказанию, и подать взыщется с его имущества; человек, который откажется от правительственной службы, не имея других средств к жизни, погибнет с семьей от голода; то же будет с человеком, который откажется от правительственного ограждения своей собственности и личности; не пользоваться же предметами, обложенными податями, и правительственными учреждениями совершенно невозможно, так как податями обложены часто предметы первой необходимости; точно так же нельзя обойтись без правительственных учреждений, как почта, дороги и другие.

Совершенно справедливо, что человеку нашего времени трудно отказаться от всякого участия в правительственном насилии; но то, что не всякий человек может поставить свою жизнь так, чтобы не быть в какой-либо мере участником правительственного насилия, никак не показывает того, чтобы не было возможности всё более и более освобождаться от него.

Не всякий человек будет иметь силы отказаться от солдатства (но есть и будут такие), но всякий человек может не поступать по своей охоте в военную, полицейскую, судебскую или фискальную службу и может предпочесть более выгодной правительственной службе менее вознаграждаемую частную. Не всякий человек будет иметь силы отказаться от своей земельной собственности (хотя есть люди, которые делают и это), но всякий человек может, понимая преступность такой собственности, уменьшать пределы ее. Не всякий может отказаться от обладания капиталом (есть и такие) и от пользования предметами, ограждаемыми насилием, но всякий может, уменьшая свои потребности, всё меньше и меньше нуждаться в предметах, вызывающих зависть других людей. Не каждый может отказаться от правительственного жалованья (есть и такие, предпочитающие голодание нечестной правительственной деятельности), но всякий может предпочесть меньшее жалованье большему, только бы исполняемые обязанности были менее связаны с насилием. Не всякий может отказаться от пользования правительственными школами (но есть и такие), но всякий может предпочесть частную школу правительственной. Всякий может всё менее и менее пользоваться и предметами, обложенными пошлинами, и правительственными учреждениями.

Между существующим порядком вещей, основанном на грубом насилии, и идеалом жизни, состоящим в общении людей, основанном на разумном согласии, утвержденном обычаем, есть бесконечное количество ступеней, по которым не переставая шло и идет человечество, и приближение к этому идеалу совершается только по мере освобождения людей от участия в насилии, от пользования им, от привычки к нему.

Мы не знаем и не можем предвидеть, а тем более предписать, как это делают мнимые ученые, — каким образом будет совершаться это постепенное ослабление правительств и освобождение от них людей, не знаем, и какие формы будет принимать жизнь человеческая по мере постепенного освобождения от правительственных насилий; но мы несомненно знаем, что жизнь людей, которые, поняв преступность и зловредность деятельности правительств, будут стараться не пользоваться им и не участвовать в нем, будет совершенно иная и более согласна с законной жизнью и нашей совестью, чем теперешняя, когда люди, сами участвуя в насилии правительств и пользуясь им, делают вид, что борются с ним, пытаясь новым насилием уничтожить старое.

Главное же то, что теперешнее устройство жизни дурно; в этом все согласны. Причина дурного положения — рабство, производимое насилием правительств. Для уничтожения правительственного насилия есть только одно средство: воздержание людей от участия в насилии. И потому, трудно или нетрудно людям воздержаться от участия в правительственном насилии, и скоро или не скоро проявятся благие результаты такого воздержания — вопросы излишние, потому что для освобождения людей от рабства есть только одно это средство: другого нет.

В какой же степени и когда осуществится в каждом обществе и во всем мире замена насилия разумным и свободным соглашением, утвержденным обычаем, будет зависеть от силы ясности сознания людей и от количества отдельных людей, усвоивших это сознание. Каждый из нас есть отдельный человек, и каждый может быть участником общего движения человечества более или менее ясным сознанием или благой целью и может быть

противником этого движения. Каждому предстоит выбор: идти против воли бога, устраивая на песке разрушающийся дом своей скоропреходящей лживой жизни, или примкнуть к вечному, не умирающему движению истинной жизни по воле бога.

Но, может быть, я ошибаюсь, и из истории человечества должно делать совсем другие выводы, и человечество не идет к освобождению от насилия, и, может быть, можно доказать, что насилие есть необходимый фактор прогресса, что государство со своим насилием есть необходимая форма жизни, что людям будет хуже, если уничтожатся правительства, уничтожится собственность и ограждение безопасности?

Допустим, что это так и что все предшествующие рассуждения неправильны, но ведь, кроме общих соображений о жизни человечества, у каждого человека есть еще вопрос о своей личной жизни, и, несмотря ни на какие рассуждения об общих законах жизни, человек не может делать того, что он признает не только вредным, но и дурным.

«Очень может быть, что рассуждение о том, что государство есть необходимая форма развития личности, что государственное насилие необходимо для блага общества, очень может быть, что всё это можно вывести из истории и что все эти рассуждения правильны, — ответит всякий честный и искренний человек нашего времени, — но убийство есть зло, это я знаю вернее всяких рассуждений. Требуя же от меня поступления в военную службу или денег на наем и вооружение солдат или на покупку пушек и сооружение броненосцев, вы хотите сделать меня участником убийства, а я не только не хочу, но не могу этого. Точно так же не хочу я и не могу пользоваться деньгами, которые вы под угрозой убийства собрали с голодных, не хочу тоже пользоваться и землею или капиталами, которые вы ограждаете, потому что знаю, что это вы ограждаете только убийством.

Я мог всё это делать, пока не понимал всей преступности этих дел, но как только я увидал это, так уже не могу перестать видеть это и не могу уже участвовать в этих делах.

Знаю я, что мы все так связаны насилием, что трудно вполне избежать его, но я все-таки буду делать всё, что могу, чтобы не участвовать в нем, не буду сообщником его, и буду стараться не пользоваться тем, что приобретено и ограждается убийством.

У меня одна жизнь. Зачем же я в этой короткой моей жизни, поступая противно голоса совести, стану участником ваших гадких дел? — Не хочу и не буду.

А что выйдет из этого — не знаю. Думаю только, что дурного ничего не может выйти из этого, что я поступлю так, как мне велит моя совесть».

Так должен ответить всякий честный и искренний человек нашего времени на всякие доводы о необходимости правительств и насилия и на всякое требование или приглашение участия в нем.

Так что высший и непререкаемый судья — голос совести — подтверждает для каждого человека то, к чему приводят и общие рассуждения.

Послесловие

«Да это опять всё та же проповедь: с одной стороны, разрушение существующего порядка без замены его каким-нибудь другим, с другой — старая проповедь ничегонеделания», скажут многие, прочтя предшествующее. — «Правительственная деятельность нехороша, нехороша и деятельность землевладельца или предпринимателя; так же нехороша и деятельность социалистов и революционеров-анархистов, т. е. нехороша всякая настоящая практическая деятельность, а хороша только какая-то нравственная, духовная, неопределенная деятельность, сводящая всё к полному хаосу и ничегонеделанию». Так, знаю я, думают и скажут многие серьезные и искренние люди.

Более всего смутительным представляются людям, при отсутствии насилия, неогражденность собственности и потому возможность каждому человеку безнаказанно брать у другого то, что ему нужно или только хочется. Людям, приученным к ограждению собственности и личности насилием, представляется, что без этого ограждения будет постоянный беспорядок, постоянная борьба всех против всех.

Не буду повторять того, что я сказал в другом месте о том, что ограждение собственности насилием не уменьшает, а увеличивает беспорядок. Но если и допустить, что при отсутствии ограждения могут произойти беспорядки, что же делать людям, понявшим причину тех бедствий, от которых они страдают?

Если мы поняли, что мы больны от пьянства, мы не можем уже, продолжая пить, надеяться улучшить свое положение тем, чтобы пить умеренно или, продолжая пить, принимать лекарства, которые нам прописывают близорукие врачи.

То же самое и с болезнью общества. Если мы поняли, что мы больны от того, что одни люди насилюют других, то уже невозможно улучшить положение общества тем, чтобы продолжать поддерживать то правительственное насилие, которое существует, или вводить новое — революционное, социалистическое. Это можно было делать до тех пор, пока не была ясно видна основная причина бедствия людей. Но как скоро стало несомненно ясно, что люди страдают от насилия одних людей над другими, уже невозможно улучшать положение людей, продолжая старое насилие или вводя новое. Как для больного алкоголика есть только одно средство избавления — воздержание от вина — причины болезни, так и для избавления людей от дурного устройства общества есть только одно средство — воздержание от насилия, причины бедствий, — от личного насилия, от проповеди насилия, от всякого оправдания насилия.

И мало того, что для избавления людей от их бедствий средство это единственное, употребление его еще и потому необходимо, что оно совпадает с нравственным законом каждого отдельного человека нашего времени. Если человек нашего времени раз понял, что всякое ограждение собственности и личности насилием достигается только угрозой убийства и убийством, он не может уже с спокойной совестью пользоваться тем, что

приобретается убийством или угрозой убийства, а тем меньше участвовать в убийстве или угрозе убийства. Так что то, что требуется для избавления людей от их бедствий, нужно и для удовлетворения нравственного чувства каждого отдельного человека. И потому для каждого отдельного человека не может быть уже никакого сомнения в том, что и для блага общего, и для исполнения закона своей жизни он должен не участвовать в насилии, не оправдывать его и не пользоваться им.